

Николай Штейнгель

Русская сталь. Том 1

18+

Николай Штейнгель
Русская сталь. Том 1

«Автор»

2026

Штейнгель Н. А.

Русская сталь. Том 1 / Н. А. Штейнгель — «Автор», 2026

Наследник престола бежит из горящего Петрограда. Кадет-левша Филатов вытаскивает его из окопа и берётся воспитать императора. Финляндия, холод, ремень и жестокая школа выживания.

© Штейнгель Н. А., 2026

© Автор, 2026

Николай Штейнгель

Русская сталь. Том 1

глава 1(первая встреча и спасение)

Окопы под Питером превратились в сточную канаву, наполненную ледяным фаршем из грязи и человеческих тел. Артиллерия Коалиции вколачивала гвозди в крышку гроба Российской империи.

Ростислав полз. Его пальцы, ободранные до костей, впивались в мерзлую жижу. На нем была офицерская шинель, сорванная с чьего-то труп, чтобы скрыть золотые вензеля на мундире. Он бежал. Бежал от огня, от криков своих гвардейцев, от ответственности, которая весила больше, чем вся эта проклятая земля.

Над бруствером взметнулся фонтан черной земли. Ростислава подбросило и швырнуло в глубокую воронку, прямо на гору стреляных гильз. — Куда прешь, смертник?! — прохрипел кто-то из темноты.

Сильная рука вцепилась в воротник Ростислава и швырнула его на дно траншеи. Перед ним сидел парень. Почти ровесник, но с глазами, в которых выгорело всё живое. На вид ему было лет шестнадцать-семнадцать. Грязная кадетская форма, лицо в пороховой копоти, а на коленях — тяжелый пулемет, ствол которого светился малиновым в сумерках.

— Ты кто такой?.. — выдавил Ростислав, хватая ртом морозный воздух. Его трясло так, что зубы стучали, как кастаньеты.

Парень не ответил. Он даже не взглянул на него. Он методично менял ленту, его пальцы двигались с пугающей скоростью.

— Я... я из штаба... мне нужно уходить! — Ростислав попытался встать, но парень резко, не глядя, ударил его прикладом в живот.

Будущий царь согнулся, хватая ртом пустоту.

— Сидеть, — отрезал незнакомец. — Штабныедохнут первыми. А ты мне нужен живым. Я видел, как ты бежал. Ты не просто офицерик. У тебя порода в костях, парень.

— Как тебя зовут? — прохрипел Ростислав, корчась от боли. — Я... я прикажу тебя наградить...

— У меня нет имени, — парень наконец повернул голову. В его зрачках отражались вспышки разрывов. — Зови меня Филатов. Или не зови никак. Для тебя я теперь — стена.

В небе завывало. Снаряд калибра 155 мм шел прямо на их участок. Филатов среагировал мгновенно. Он не стал прыгать в блиндаж. Он навалился всем телом на Ростислава, придавливая его к гнилым доскам настила. Взрыв. Мир перевернулся. Земля заполнила рот, уши, глаза. Когда звон в голове немного утих, Ростислав почувствовал, что Филатов всё еще прижимает его к земле.

— Слышишь? — прошептал Филатов. Его голос был странно спокойным среди этого безумия. — Это вертолет. Последний. Он идет за тобой. — Откуда ты знаешь, кто я? — Ростислав посмотрел на него с ужасом. Филатов усмехнулся, сплевывая кровь. Он вытащил из-под шинели Ростислава обрывок семейного медальона Романовых, который тот прятал на груди. — Мне плевать, кто ты сейчас. Ты — кусок мяса. Но я сделаю из тебя символ. Вставай, «Ваше Величество». У нас мало времени, чтобы добежать до вертушки, пока Европа не перепахала этот квадрат в пыль.

Он сорвал свой широкий кожаный ремень и протянул один конец Ростиславу. — Держись. Если отпустишь — я тебя здесь и пристрелю. Мне нужен царь, а не труп

Они не бежали. Они вгрызались в пространство.

Ростислав чувствовал, как грязь забивается ему под веки, в рот, за шиворот. Он перестал быть человеком; он стал мешком с костями, который Филатов упрямо волок по дну разбитой траншеи. Сапоги князя скользили по стреляным гильзам, и этот латунный скрежет казался ему громче, чем разрывы снарядов наверху.

— Дыши, сука! Дыши! — рычал Филатов, не оборачиваясь.

Его пальцы, вцепившиеся в воротник шинели Ростислава, онемели и превратились в железные крючья. Филатов пятился, пригнувшись так низко, что его подбородок почти касался колен. Сверху, над бруствером, с визгом пролетали куски раскаленного металла, срезая остатки колючей проволоки. Впереди показался затор: обрушенный блиндаж перегородил проход. Из-под наката бревен торчала рука в кадетской форме — такая же, как у Филатова. Мертвая, восковая рука.

Ростислав замер. Его взгляд приковало к этим пальцам. Он узнал кольцо на мизинце — это был Горчаков, его троюродный брат, который еще утром смеялся в штабе

— Федя... там... там Миша... — прохрипел Ростислав, пытаясь остановиться. Филатов резко обернулся. Его лицо, залитое копотью, было маской древнего божества войны. Он не посмотрел на мертвеца. Он посмотрел на Ростислава — и в этом взгляде было столько презрения, что князю захотелось зарыться в землю.

— Миши больше нет. Есть только труп, который мешает нам пройти. Лезь через него! Живо!

— Я не могу... это грех... — Ростислав затрясся, вжимаясь в сырую стенку окопа.

Филатов не стал спорить. Он шагнул вперед, схватил Ростислава за плечо и с силой впечатал его лицом в бревно, прямо рядом с мертвой рукой. — Грех — это когда ты сдохнешь здесь и прервешь род, — прошипел Филатов ему в самое ухо. — Лезь, или я наступлю на него сам, а потом на тебя. В этот момент за их спинами раздался топот. Тяжелый, уверенный шаг подкованных берцов. Наемники вошли в траншею.

— Контакт! — выкрикнул кто-то на английском.

Филатов среагировал мгновенно. Он перебросил автомат через плечо, рванул Ростислава за собой и буквально перекинул его через завал, на ту сторону, к мертвым телам и битому кирпичу. Сам он прыгнул следом, в полете разворачиваясь и скидывая ствол.

Из-за угла траншеи показалась тень. Первый наемник. На нем был дорогой обвес, ПНВ на шлеме и эмблема частной компании «Iron-V». Он не ожидал, что здесь кто-то остался живой. Филатов нажал на спуск. Одиночный.

Пуля вошла врагу в горло, чуть выше бронеластины. Наемник захрипел, выронил винтовку и повалился вперед, зажимая рану, из которой толчками била темная, почти черная кровь.

Ростислав, оказавшийся по ту сторону завала, зажал рот ладонями, чтобы не закричать. Он видел всё: и брызги на лице Филатова, и то, как медленно умирал человек в паре метров от него.

— Это... это человек... ты убил человека... — выдохнул Ростислав.

Филатов, методично проверяя остаток патронов в рожке, даже не вздрогнул. — Это не человек. Это три миллиона евро за твою голову. Вставай. У нас еще пятьсот метров этой канавы, прежде чем мы выйдем на открытое поле.

Звук в пулеметном гнезде был плотным, как вата. Тяжелые удары артиллерии

Коалиции где-то наверху превратились в тупую, вибрирующую боль в висках.

Ростислав сидел на дне ямы, вжавшись лопатками в сырую землю. Его руки, испачканные в масле и чужой подсыхающей крови, мелко дрожали. — Ленту... — выдохнул Филатов. Это не был крик. Это был сухой, безжизненный приказ человека, который уже переступил черту.

Кадет стоял у «Корда», вперившись взглядом в прицел. Его спина, обтянутая грязным кителем, была прямой и неподвижной, как скала. Он ждал. Он слышал то, чего не слышал Ростислав: хруст битого кирпича и короткие команды на английском всего в десяти метрах за бруствером. Охотники прошупывали путь.

— Я... я не могу, Федя... — голос Ростислава сорвался на скулёж. — У него... у него глаза открыты...

Князь смотрел на убитого пулеметчика, который лежал у его ног. Парень казался спящим, если бы не дыра в виске и застывшее выражение бесконечного удивления на лице. Железная коробка с патронами стояла прямо под его мертвой рукой. Чтобы достать ленту, нужно было коснуться этой руки. Окоченевшей, восковой, пахнущей железом

Филатов медленно, не меняя позы, повернул голову. Его единственный видимый глаз был абсолютно черным. — Посмотри на меня, — тихо произнес он.

Ростислав поднял взгляд. В этом взгляде Филатова не было злобы. Там было нечто худшее — полное отсутствие жалости. Так смотрят на инструмент, который затупился и стал бесполезен.

— Если ты сейчас не достанешь эту ленту, я не буду тебя убивать, — Филатов чуть прищурился. — Я просто отойду в сторону. И когда они прыгнут сюда, они сделают с тобой то, что делают с трофеями. Ты хочешь знать, как умирали твои тетки в семнадцатом? Или ты хочешь, чтобы я запомнил тебя мужчиной?

Ростислав задохнулся. Образ наемников, врывающихся в яму, оказался страшнее, чем мертвец под ногами. Он, всхлиывая, потянулся к коробу. Его пальцы коснулись ледяной, неподвижной кисти солдата. Холод мертвой плоти прошил его до самого позвоночника.

— Тяни, — надавил Филатов.

Ростислав рванул короб на себя. Металл заскрежетал по гильзам. Он схватил край латунной ленты — тяжелой, маслянистой, пахнущей оружейным салом.

Патроны калибра 12.7 казались огромными, как снаряды.

— Вставляй в приемник. Открой крышку. Пальцами не лезь в механизм, срежет, — Филатов говорил монотонно, как инструктор в тире, хотя над их головами уже просвистела первая пуля, выбив фонтанчик земли из края ямы. Ростислав дрожащими руками откинул тяжелую стальную крышку «Корда». Его пальцы скользили по смазке. Он вложил первое звено ленты. Железо лязгнуло.

— Молодец, — Филатов резко, с характерным сухим щелчком, захлопнул крышку и рванул затвор на себя. Металл отозвался хищным звуком готового к убийству зверя. — Теперь садись и закрывай уши. Будет громко.

Филатов прильнул к прикладу. Его палец мягко лег на спуск. Снаружи раздался свист. Кто-то подал сигнал к атаке. Первые ботинки наемников ударили по краю траншеи.

— Поехали, — прошептал Филатов.

И «Корд» заговорил.

Первый выстрел «Корда» не просто прозвучал — он ударил Ростислава в грудь невидимым кулаком, выбивая воздух из легких. Тяжелый, басовитый грохот заполнил тесное пространство гнезда, превращая его в вибрирующую стальную коробку.

Филатов врос в пулемет. Его тело приняло отдачу, плечи ритмично подергивались, а лицо застыло в страшной, почти религиозной концентрации. Он не стрелял длинными очередями, он бил короткими, злыми «двойками», экономя ленту и выцеливая тех, кто уже перемахнул через край траншеи. Ростислав сидел на корточках, прижав ладони к ушам, но звук все равно прошивал его насквозь. Он видел, как из ствола вырываются метровые языки пламени, освещающая копоть на стенах. С каждым ударом затвора из пулемета вылетали гигантские латунные гильзы. Одна из них, раскаленная, отскочила от бруствера и упала Ростиславу прямо на колено.

А-а-а! — вскрикнул он, отбрасывая обжигающий металл.

Филатов даже не шелохнулся. Он продолжал свою кровавую жатву. — Смотри! — прохрипел кадет, не отрываясь от прицела. — Смотри, что делает свинец с теми, кто считает себя хозяевами!

Ростислав, преодолевая тошнотворный страх, приподнял голову над краем ящика. В десяти метрах, на открытом участке траншеи, творился хаос. Тяжелые пули калибра 12.7 не просто убивали — они аннигилировали плоть. Он видел, как одного из наемников, пытавшегося бросить гранату, буквально перерубило пополам в районе пояса. Другому оторвало руку вместе с плечом, и тот, еще живой, крутился на месте, заливая серый бетон траншеи фонтаном алой крови.

Это не было похоже на кино. Это было грязно, пахло горелым мясом и экскрементами.

— Они... они же люди... Федя, хватит! — закричал Ростислав, зажмуриваясь. — Это не люди, это чеки на предъявителя! — Филатов резко перебрросил ствол вправо, срезая еще двоих, пытавшихся зайти с фланга. — Если я перестану, они придут сюда и вырежут тебе печень на завтрак! Ленту поправляй!

Перекосит!

Ростислав, действуя как в тумане, потянулся к ленте, которая уходила в приемник. Она вибрировала, дергалась, как живое существо. Его пальцы, онемевшие от холода, едва чувствовали металл. Он поправил звенья, стараясь не смотреть на то, что происходит снаружи. Вдруг пулемет захлебнулся. Сухой щелчок затвора — и тишина, ставшая внезапно оглушительной.

— Затык! — Филатов рванул рукоятку перезарядки, но та не поддалась. —

Гильзу раздуло!

Он наотмашь ударил по крышке ствольной коробки, но пулемет молчал. В ту же секунду с той стороны бруствера раздался торжествующий крик на немецком. Охотники поняли: зверь подавился.

— Всё, Князь, — Филатов медленно выпустил рукоятки пулемета и потянулся к поясу. — Дистанция кончилась.

Он достал свой ремень и начал методично, виток за витком, наматывать его на правую ладонь. Тяжелая бляха с гербом кадетского корпуса тускло блеснула в сумерках.

— Доставай нож, — тихо сказал он. — Сейчас они прыгнут внутрь. Если хочешь дожить до своего Рюрика — бей первым.

Ростислав посмотрел на свою дрожащую руку, сжимающую финку. Над краем гнезда показалась первая тень — черный силуэт шлема и дуло карабина. Секунда тишины после осечки пулемёта показалась вечностью. Затем — тяжёлый удар ботинок о бруствер. Первая тень закрыла собой серое небо. — Пошёл! — взревел Филатов.

Первый наёмник влетел в гнездо, сминая под собой пустые гильзы. Он был огромен, в полном тактическом обвесе, с карабином на одноточечном ремне. Но Филатов уже был в воздухе. Кадет не стал стрелять — он ударил. Тяжёлый кулак, обмотанный ремнём, врезался врагу прямо в забрало шлема. Пластик хрустнул, наёмника откинуло к пулемётному станку. Филатов навалился сверху, вколачивая стальную бляху в незащищённое горло врага с глухим, влажным звуком.

В этот момент второй силуэт прыгнул прямо на Ростислава.

Князь не успел даже вскрикнуть. Удар сбил его с ног, впечатывая в сырую землю и придавливая весом чужого тела. Над ним возникло лицо — затянутое чёрной балаклавой, с холодными, бесчувственными глазами профессионального убийцы. Наёмник прижал предплечье к горлу Ростислава, перекрывая кислород.

— Тихо, золото... — прошипел враг на ломаном русском. — Ты стоишь слишком много, чтобы тебя портить.

Ростислав захрипел. Мир начал сужаться до узкой полоски света. Перед глазами поплыли красные пятна. Его пальцы судорожно царапали землю, пока не наткнулись на нечто холодное и твёрдое. Финка. Рукоятка, обмотанная синей изолентой, легла в ладонь как влитая

— Бей! — голос Филатова донёлся будто из-под воды. Кадет в этот момент ломал пальцы первому врагу, пытаясь отобрать нож. — Бей, или сдохнешь рабом!

Ростислав зажмурился. Он не видел, куда бьёт. Он просто вложил в этот удар всю свою обиду, весь свой страх и всю ненависть к этой яме, в которой его заставили сидеть. Лезвие вошло легко, почти без сопротивления

— туда, где стыковались бронежилет и шлем.

Наёмник над ним вдруг дёрнулся. Его хватка на горле ослабла. Ростислав почувствовал, как на его лицо брызнуло что-то горячее и густое. Запах железа стал невыносимым. Враг издал странный, булькающий звук и медленно завалился набок, судорожно загребая пальцами грязь.

Ростислав оттолкнул обмякшее тело и отполз к стенке, не выпуская ножа. Его руки были по локоть в тёмно-красном. Он смотрел на свои ладони и не узнавал их.

— Я... я убил... — выдохнул он, глядя на неподвижную фигуру в балаклаве. Филатов медленно поднялся. Он тяжело дышал, его губа была разбита, а костяшки пальцев превратились в сплошное кровавое месиво. Он посмотрел на Ростислава, затем на мёртвого наёмника. На его лице впервые за весь день появилось нечто похожее на одобрение.

— Нет, Князь, — Филатов вытер кровь об штаны и протянул руку, помогая Ростиславу встать. — Ты не просто убил. Ты только что купил себе право на имя.

Он поднял с земли оброненный наёмником карабин и протянул его Ростиславу. — Забирай. Нам ещё через поле прорываться. И не вздумай бросать нож — он теперь твой крест.

Ростислав стоял, прислонившись к холодному бетону амбразуры, и смотрел на свои руки. Кровь наёмника под ногтями уже начала подсыхать, стягивая кожу противной, липкой коркой. Весь мир вокруг превратился в немую кинохронику: взрывы наверху вспыхивали беззвучно, а крики Филатова доносились словно через толстый слой ваты. Контузия накрыла его плотным куполом.

Филатов не дал ему времени на осознание. Он грубо схватил князя за плечо и встряхнул так, что голова Ростислава мотнулась, как у тряпичной куклы. — Очнись! — губы кадета шевелились, но звук прорвался в сознание лишь со второй попытки. — Забирай карабин, я сказал! Живо!

Ростислав подчинился механически. Тяжелый немецкий «Хеклер» казался неподъемным, пахнущим холодным металлом и оружейным маслом. Ремень карабина впился в шею, напоминая о том, что теперь он — не просто пассажир в этом аду. Он — боевая единица.

Филатов тем временем методично обшаривал труп первого наёмника. Он сорвал с разгрузки две запасные обоймы и сунул их Ростиславу прямо в карманы шинели.

— Слушай меня внимательно, — Филатов притянул его к себе, почти касаясь лбом лба. — Впереди выход из гнезда. Там открытый участок метров пять, потом поворот в ход сообщения. Мы не пойдем по дну — там вода и мы будем как мишени в желобе. Мы выскочим на бруствер и прыгнем сразу в туннель.

Понял?

Ростислав только кивнул. Его взгляд был прикован к ремню на руке Филатова — кожа была пропитана кровью так сильно, что потемнела почти до черного цвета.

— На счет «три». Не думай. Не смотри по сторонам. Просто беги за моей спиной. Если я упаду — не останавливайся. Твоя задача — доползти до узла связи. Там крыша, там нас не достанут минометы.

Филатов проверил затвор своего трофейного автомата. Лязг металла прозвучал как приговор.

— Раз. Ростислав крепче сжал рукоятку карабина. Палец лег на спусковой крючок. Он чувствовал, как внутри него что-то надломилось окончательно. Тот мальчик, который утром боялся испачкать туфли в штабе, умер там, на дне ямы, под телом наёмника.

— Два.

Снаружи раздался треск рации — у убитых врагов кто-то требовал ответа на базе. Голоса были злыми, нетерпеливыми. Охотники поняли, что их группа зачистки замолчала.

— Три! Пошел!

Филатов первым вылетел из гнезда, издав короткий, звериный выкрик. Ростислав рванул следом. Холодный воздух ударил в лицо, вырывая из оцепенения. Они оказались на узкой кромке земли между небом и развороченной траншеей.

В пятидесяти метрах правее, у разрушенного дота, мелькнули вспышки. По ним открыли огонь. Пули взбивали фонтанчики грязи прямо под ногами, щелкали над головой, разрезая воздух со звуком рвущейся ткани. — Вниз! — заорал Филатов, подсекая Ростислава под ноги и увлекая его в темный зев хода сообщения.

Они рухнули в узкий проход, заваленный битым кирпичом и обрывками кабелей. Здесь было темно, пахло горелой проводкой и старой пылью. Тьма в ходу сообщения была не пустой — она была тяжёлой, наполненной запахом озона от перебитых кабелей и липким страхом. Ростислав чувствовал, как бетонные стены сжимаются, пытаясь раздавить его плечи. Контузия всё ещё превращала звуки боя снаружи в глухое, ритмичное биение сердца в самых висках.

Филатов двигался впереди, почти сливаясь с тенями. Его левая рука была вытянута вперёд, касаясь стены, а правая намертво вцепилась в рукоять трофейного автомата. Он не шёл — он перетекал из одной тени в другую, едва слышно шурша подошвами по битому кирпичу.

— Дыши тише, — выдохнул Филатов, не оборачиваясь. — Ты шумишь как паровоз.

Ростислав прижал приклад карабина к бедру, как его учили на редких смотрах в кадетском корпусе. Но тогда это была игра. Сейчас «Хеклер» казался живым, хищным зверем, который только и ждал повода, чтобы вырваться из рук.

Впереди, метрах в десяти, коридор делал резкий поворот. Там, за углом, тускло мигала аварийная лампа, заливая пол мертвенно-красным светом.

Внезапно Филатов замер. Его спина напряглась. Он медленно поднял руку — кулак сжат. Знак «Стоп».

Ростислав затаил дыхание. Сначала он не слышал ничего, кроме собственного пульса. Но затем из-за поворота донёсся звук. Короткий, металлический щелчок. Так звучит предохранитель, который снимают в абсолютной тишине.

— Там кто-то есть... — прошептал Ростислав, и его голос дрогнул. — Знаю, — так же тихо ответил Филатов. — Это «хвост». Один. Недорезали в гнезде.

Из-за угла медленно выплыл луч тактического фонаря. Он разрезал темноту, шаря по стенам, выхватывая обрывки арматуры и осевшую пыль. Луч приближался. Наёмник шёл осторожно, зная, что в этом узком бетонном кишке у него нет права на ошибку.

Филатов медленно опустился на одно колено. Он не вскинул автомат. Вместо этого он снова достал свой ремень

— Слушай меня, — Филатов едва касался губами уха Ростислава. — Когда он выйдет под лампу, он увидит нас. У тебя будет ровно секунда. Не целься в голову — попадёшь в каску. Бей в центр массы. В грудь. Жми спуск, пока он не упадёт. Понял?

— Я... я не смогу... я промахнусь... — пальцы Ростислава онемели на холодном металле спускового крючка.

— Если промахнёшься — он убьёт меня, а потом заберёт тебя живым. И тогда ты позавидуешь мёртвым. Жми, Ростислав. Жми за всё, что ты сегодня потерял.

Луч фонаря ударил в стену прямо над головой Филатова. Красный свет аварийной лампы выхватил из темноты силуэт наёмника. Он выходил из-за угла — медленно, ствол карабина направлен точно вперёд.

Время замедлилось. Ростислав видел каждую пылинку в луче света. Он видел эмблему «Iron-V» на плече врага. Видел палец наёмника, который уже начал движение на спуске. — Сейчас! — рявкнул Филатов.

Палец Ростислава на спусковом крючке не просто нажал — он вцепился в него мертвой хваткой. Оружие в его руках ожило, превратившись в бьющееся, раскаленное существо.

Первый выстрел «Хеклера» в замкнутом бетонном коридоре ударил по барабанным перепонкам, как кузнечный молот. Вспышка на мгновение выжгла сетчатку, оставив перед глазами черное пятно. Ростислав не отпускал спуск. Карабин прыгал в руках, приклад больно вколачивался в плечо, выбивая из сустава остатки чувствительности.

Пули уходили веером. Первая ударила в стену, выбив облако бетонной крошки прямо в лицо наемнику. Вторая и третья ушли в потолок, срезав пук старых кабелей, которые с искрением посыпались вниз.

— Вниз! Ствол ниже! — ревел Филатов, пытаясь перекричать грохот очередей, но Ростислав его не слышал. Он был в трансе. Он видел только тень врага в красном свете аварийной лампы.

Наемник успел выстрелить один раз. Пуля чиркнула по стене рядом с ухом Филатова, осыпав кадета каменной пылью. Но плотность огня князя сделала свое дело. Четвертая пуля попала наемнику в бедро, раздробив кость и сбив его с ритма. Пятая и шестая вошли в грудь, в самый центр тактического жилета. Керамическая плита брони треснула, не выдержав удара в упор. Наемника отбросило назад. Его карабин вылетел из рук, с лязгом ударившись о пол. Он повалился на спину, судорожно дергая ногами и пытаясь вдохнуть воздух разбитыми легкими.

Ростислав продолжал жать на спуск, пока затвор не замер в заднем положении с сухим, пустым щелчком.

— Всё! Всё, Князь! Пустой! — Филатов навалился на него сверху, силой опуская ствол карабина к полу. — Прекрати, он готов!

[30.03.2026 16:09] Николай | zero0_impraeg: Ростислав тяжело дышал. Из ствола «Хеклера» шел едкий, сизый дым. Его руки тряслись так сильно, что он едва не выронил оружие. В голове стоял сплошной, гудящий звон, сквозь который пробивался запах паленой изоляции и пороховой гари.

— Я... я попал? — прохрипел он, глядя на неподвижное тело под красной лампой.

Филатов медленно поднялся, не выпуская своего автомата. Он подошел к наемнику, пнул его карабин подальше в темноту и посветил фонариком в лицо врага. Это был совсем молодой парень, лет двадцати, с эмблемой Вулпеса на шевроне. Его глаза были широко открыты, в них застыло изумление — он не верил, что «золотой мальчик» сможет нажать на курок.

— Попал, — Филатов обернулся к Ростиславу. В полумраке его лицо казалось высеченным из камня. — Ты выпустил в него двадцать патронов, когда хватило бы двух. Но ты его остановил.

Кадет подошел к Ростиславу, сорвал с его плеча пустой карабин и резким движением вставил новую обойму, которую выхватил из кармана князя. — Перезаряжайся сразу. Всегда. Никогда не стой с пустым стволом над трупом.

Он протянул карабин обратно. Ростислав взял его, и на этот раз металл не показался таким тяжелым. Холодная сталь стала частью его собственной руки.

— Нам нужно идти, — Филатов кивнул в глубь туннеля, где за поворотом виднелся свет. — Узел связи близко. Там крыша. Там мы увидим небо. Красный свет аварийной лампы остался позади, поглощенный густой, маслянистой тьмой коридора. Ростислав шел, прижимая приклад к плечу так сильно, что кость ныла. Каждый его шаг по битому кирпичу отзывался

в голове пушечным выстрелом. Он больше не чувствовал страха — внутри него поселилась странная, звенящая пустота, в которой бился только один ритм: перезаряжайся, не стой, иди.

Филатов впереди внезапно пригнулся. Потолок туннеля здесь просел, выставив наружу ржавые ребра арматуры. Впереди, в конце пятидесятиметровой бетонной кишки, брезжил прямоугольник настоящего, серого дневного света. Это был выход в центральный зал узла связи. — Тихо, — выдохнул Филатов. Он не обернулся, но Ростислав увидел, как напряглись жилы на его шее. — Слышишь?

Сквозь гул в ушах Ростислав уловил новый звук. Это не был разрыв снаряда или треск автомата. Это был низкий, утробный свист ветра, гуляющего в огромном пустом пространстве, и далекий, надрывный стрекот лопастей.

— Вертолет... — прошептал Ростислав. — Он там?

— Он на крыше. Но крыша обвалилась в центре, — Филатов медленно пополз вперед, притираясь животом к мокрому бетону. — Зал простреливается. Там открытое пространство метров сорок. Если там сидит «кукушка», мы станем мишенями раньше, чем добежим до лестницы.

Они доползли до края туннеля. Перед ними открылась панорама разрушения.

Бывший зал правительственной связи превратился в бетонный скелет. Огромные серверные шкафы были вывернуты наизнанку, из них кишками свисали обгорелые провода. Потолок рухнул, открыв кусок свинцового неба, по которому лениво плыли черные клочья дыма.

В центре зала, среди обломков, лежало тело в генеральской шинели.

Ростислав узнал эти седые виски и золотые погоны еще до того, как Филатов накрыл его глаза ладонью. Это был начальник связи штаба, старый друг его отца. Он лежал ничком, сжимая в руке разбитую рацию.

— Не смотри, — Филатов дернул его за плечо назад, в тень. — Ему уже всё равно. Смотри на окна второго яруса. Видишь блик?

Ростислав прищурился. На высоте десяти метров, в тени обрушенного балкона, что-то едва заметно блеснуло. Холодный, неживой огонек оптического прицела. Снайпер. Он ждал их. Он знал, что это единственный путь к спасительной лестнице на крышу.

— Он не даст нам сделать и шага, — Ростислав почувствовал, как к горлу снова подкапывает ледяной ком. — Мы заперты.

Филатов медленно достал из подсумка последнюю дымовую шашку. Его пальцы, перепачканные в крови и пороховой гари, действовали уверенно.

— Нет, Князь. Мы не заперты. Мы — приманка.

Он повернулся к Ростиславу, и в его глазах вспыхнул тот самый безумный огонь, который Ростислав видел в окопах.

— Слушай план. Я выкидываю дым в центр зала. Снайпер начнет бить по тени. В этот момент ты не бежишь к лестнице. Ты остаешься здесь, за выступом стены, и поливаешь балкон огнем. Просто дави на спуск, не давай ему высунуть голову. А я сделаю рывок к опоре.

— Ты... ты подставишься? — Ростислав вцепился в рукав Филатова. — Он же тебя срежет!

— Не срежет. У него будет выбор: стрелять в того, кто бежит, или в того, кто в него целит. Ты должен стрелять так, будто от этого зависит твоя жизнь. Потому что она от этого зависит.

Филатов выдернул чеку. Шашка зашипела, выпуская густой, едкий белый туман.

— На счет три, Ростислав. Не подведи. Если я упаду — лестница справа. Беги и не оборачивайся. Никогда

смешиваясь с цементной пылью и гарью. Филатов вылетел в этот туман серым призраком, низко пригибаясь к битому бетону.

— Стреляй! — взревел он, и этот крик утонул в грохоте первого выстрела снайпера.

Пуля выбила искру из металлической стойки в десяти сантиметрах от головы кадета. Ростислав, задыхаясь от едкого дыма, вывалился из-за выступа стены. Он не целился. Он просто вскинул карабин в сторону балкона, где мгновение назад видел блик оптики, и вдавил спуск.

«Хеклер» затрясся в его руках, выплевывая свинец короткими, рваными вспышками. Ростислав видел, как его пули крошат штукатурку и кирпич там, наверху. Снайпер вынужден был вжаться в пол — плотный огонь князя не давал ему высунуться.

— Беги! — Филатов уже преодолел половину зала и запрыгнул на искореженную железную лестницу, ведущую на крышу. Она стонала и раскачивалась под его весом.

Ростислав рванул следом. Его сапоги скользили по гильзам, он споткнулся о тело генерала связи, едва не выронив карабин, но страх гнал его вперед сильнее любого приказа. Сзади, в туннеле, уже слышались крики погони — наемники Коалиции ворвались в зал.

— Сюда! Руку! — Филатов свесился с пролета лестницы, протягивая ладонь, замотанную окровавленным ремнем.

Ростислав прыгнул, вцепляясь в эту руку как в последний шанс на спасение. Кадет рывком забросил его на верхнюю площадку. В этот момент снайпер на балконе снова вскинулся, поймав их в перекрестие, но очередь Ростислава секундой ранее заставила его замешкаться. Пуля прошла сквозь плечо Филатова, разрывая ткань кителя и плоть.

Кадет даже не вскрикнул. Он лишь стиснул зубы так, что послышался хруст, и вытолкнул Ростислава на крышу.

Там царил хаос. Ветер с залива ревел, закручивая снежную крупу. Черный «Еврокоптер» дрожал, едва касаясь лыжами обломков бетона. Пилот бешено махал им рукой: «Быстрее! Быстрее!»

Снизу, из пролома в крыше, показались первые стволы наемников. Филатов, обливаясь кровью, развернулся и бросил последнюю гранату прямо в зев лестничного пролета.

— В вертушку! — он толкнул Ростислава к открытой двери.

глава 2(финдлэндия и секреты Филатова)

Вертолёт коснулся скалистого плато на берегу Финского залива в тот момент, когда небо над горизонтом окрасилось в цвет запекшейся крови. Двигатель захлебнулся, лопасти сделали последний тяжелый круг, смахивая иней с чахлах сосен. Тишина, обрушившаяся на салон, была страшнее грохота пулеметов.

Ростислав сидел на металлическом полу, вжавшись спиной в переборку. Его трясло мелкой, изнуряющей дрожью. Он смотрел в пустоту, а перед глазами всё еще стоял тот наемник в окопе, которого он проткнул ножом. Кровь под его ногтями уже высохла, стянув кожу мертвой коркой.

— Выметайся, — бросил Филатов.

Кадет поднялся, опираясь на борт. Его правое плечо было разворочено пулей, китель промок насквозь, став тяжелым и черным от крови. Но он не издал ни звука. Ростислав с ужасом наблюдал, как Филатов, почти не пользуясь правой рукой, всё делает левой.

Левой рукой он подхватил трофейный карабин. Левой рванул затвор, проверяя патрон. Левой — резко и грубо — схватил Ростислава за шиворот, выдергивая его из оцепенения.

— Я... я не могу... ноги не держат... — прохрипел Ростислав, падая на колени прямо в ледяную грязь аэродрома.

— Будешь ползти, значит, — Филатов навис над ним. Его лицо, серое от потери крови, казалось высеченным из гранита. Он медленно достал свой ремень левой рукой и обмотал его вокруг кулака. — Вставай, Князь. Там, в доме, сидят те, кто купил твою жизнь. Если они увидят тебя таким — они просто пристрелят нас обоих, чтобы не тратиться на прокорм труса. Перед

ними, среди скал, виселось поместье Линна. Гранитный замок, больше похожий на тюрьму, чем на убежище. На высоком крыльце застыла фигура в черном кашемировом пальто. Барон фон Гейер, личный посланник Оранского дома Нидерландов.

— Мы ждали вашего отца, господин Романов, — голос Барона донесся до них вместе с порывом ледяного ветра. — Нам сообщили, что он погиб при попытке прорыва.

Ростислав вскинул голову. Слова о смерти отца ударили сильнее пуль.

— Мой отец... — он запнулся, глотая холодный воздух.

— Его отец сгорел за Россию, — Филатов шагнул вперед, закрывая Ростислава своим телом. Он держал карабин в левой руке, направив ствол в землю, но палец лежал на спуске. — А этот — единственный, кто у вас остался. Веди в тепло, старик. Или мы сдохнем прямо здесь, и ваши контракты превратятся в туалетную бумагу.

Барон фон Гейер прищурился, разглядывая искалеченного кадета.

— А ты кто такой, левша? У тебя нет имени в списках эвакуации.

— Я — его тень, — отрезал Филатов. — И я тот, кто научит его подписывать ваши бумаги так, чтобы вам потом стало страшно.

Они вошли в огромный, нетопленный холл Линны. Шаги гулко отдавались от каменных стен. На массивном столе в центре зала уже лежал развернутый пергамент — Договор о протекторате и помолвке.

Ростислав смотрел на золотое тиснение герба Нидерландов и чувствовал, как петля затягивается на его шее. Рюрик еще не родился, он был лишь призраком в бреду Филатова, но этот контракт уже определял его судьбу. — Садись и пиши, — Филатов толкнул Ростислава креслу левой рукой. — Продай свою свободу сегодня, чтобы завтра купить право на месть.

Барон фон Гейер вышел, плотно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь. В зале воцарилась мертвая, ватная тишина, прерываемая лишь надрывным дыханием Филатова. Кадет медленно опустился на пол прямо у стола, на котором еще сохла подпись Ростислава.

Его правое плечо превратилось в бесформенное месиво из серого сукна кадетского кителя и багрового мяса. Кровь больше не текла — она густо запекалась, намертво приклеивая ткань к ране.

— Федя... тебе плохо... я позову тех людей... — Ростислав вскочил, опрокинув тяжелый стул.

— Сядь! — рявкнул Филатов. Его левая рука, единственная живая и властная, метнулась к ноге князя и железной хваткой вцепилась в щиколотку. — Никого не звать. Если они увидят, что я сдохну, они сожрут тебя живьем за этим столом.

Филатов зубами расстегнул ворот кителя. Его лицо было цвета мокрого мела, но глаза горели сухим, лихорадочным блеском. — Вон там, в углу... черная сумка. Моя. Тащи сюда.

Ростислав, спотыкаясь, принес походную аптечку. Внутри не было дорогих лекарств — только спирт, моток суровых ниток, кривая игла и ржавые медицинские зажимы.

— Теперь смотри, — Филатов зубами перехватил рукоять ножа, передал его в левую руку и одним резким движением вспорол рукав кителя вместе с присохшей кожей.

Ростислав вскрикнул и отвернулся, закрыв рот ладонью. Запах старого пота и свежей крови ударил в нос.

— Смотри! — прохрипел Филатов сквозь стиснутые зубы. — Ты хотел быть царем? Царь начинается не с короны, а с того, что он может сам зашить свои раны, когда все предадут. Лей спирт. Прямо в дыру. Живо! Ростислав, обливаясь холодным потом, вылил прозрачную жидкость на разорванное плечо. Филатов выгнулся дугой, его левая рука до хруста сжала край дубового стола, но он не издал ни звука. Только желваки на скулах заходили ходуном.

— Теперь... иглу... — Филатов перехватил иглу левой рукой.

Это было за гранью человеческого. Он сам, глядя в отражение начищенного серебряного блюда на столе, начал протыкать края рваной раны. Левая рука двигалась с пугающей мето-

дичностью — стежок, узел, затяжка. Ростислав видел, как сталь входит в живую плоть, слышал сухой хруст протыкаемой кожи.

— Запомни этот звук, Князь, — Филатов на мгновение остановился, тяжело глотая воздух. — Так звучит верность. Я шью себя, чтобы завтра я мог встать за твоей спиной. Твой сын... Рюрик... он не должен видеть, как его отец дрожит при виде крови. Ты понял меня?

— Понял... — прошептал Ростислав, не в силах отвести взгляд от этой кровавой хирургии.

Когда последний узел был затянут, Филатов бессильно откинулся на стену. Его левая рука, вся в красных потеках, потянулась к ремню, лежащему на полу. Он медленно намотал его на кулак.

— Через час... сеанс связи с Беатрикс. Ты наденешь чистую рубашку. Ты будешь улыбаться. А если твои губы дрогнут — вспомни, как я сейчас шил себя без наркоза. Я буду стоять за камерой. И мой ремень будет ждать тебя, если ты опозоришь память своего отца.

В комнате поместья Линна установили тяжёлый монитор правительственной связи. Экран мерцал холодным голубым светом, выхватывая из темноты лицо Ростислава. На нём была чистая белая рубашка, застёгнутая под самое горло, скрывающая дрожь кадыка. Его руки, отмытые до боли щёткой, лежали на столе. Под ногтями всё ещё темнела кайма крови, которую не взял никакой спирт.

Филатов стоял за кадром. Его левая рука, перепачканная в собственной крови после шитья, сжимала ремень. Он стоял так близко, что Ростислав чувствовал исходящий от него жар лихорадки.

Экран ожил.

Принцесса Беатрикс сидела в золочёном кресле в Гааге. Ей было восемнадцать. Холодная красота, жемчужное ожерелье и глаза, в которых читался не интерес, а расчёт. Она смотрела на Ростислава как на антикварную вазу, которую купили на аукционе. — Господин Романов, — её голос был чистым и безэмоциональным. — Мне сказали, вы выжили чудом. Вы выглядите... бледным.

Ростислав открыл рот, но слова застряли. Он почувствовал, как Филатов за кадром чуть натянул ремень — сухой треск кожи напомнил о боли.

— Я выжил, чтобы вернуть своё, принцесса, — голос Ростислава дрогнул, но окреп. — Бледность — это пепел моего дома. Он скоро осыплется.

Беатрикс чуть наклонила голову. Она заметила что-то за плечом Ростислава. Там, в тени, стоял кто-то, чей взгляд она ощущала даже через тысячи километров.

— Кто это с вами? Ваша охрана?

Филатов сделал шаг вперёд, оставаясь вне зоны видимости камеры, и положил свою левую ладонь на плечо князя. Ростислав вздрогнул.

— Это моя совесть, Беатрикс, — сказал Ростислав, глядя прямо в объектив. — Мы подпишем контракт. Но знайте: я приеду за вами не как беженец. Я приеду как муж, который возьмёт Нидерланды в придачу к России. Беатрикс впервые за весь разговор нахмурилась. В её глазах мелькнул страх, смешанный с уважением. Когда связь оборвалась, Ростислав бессильно откинулся на спинку кресла.

— Я всё сказал... Федя, я всё сказал, как ты хотел...

Филатов медленно вышел из тени. Его левая рука разжалась.

— Неплохо, Князь. Ты начинаешь врать как настоящий монарх. А теперь иди к окну. Посмотри на залив. Видишь те корабли на горизонте? Это финская береговая охрана. Они нас стерегут. Но скоро мы построим свои корабли. И на каждом будет выбито имя твоего сына.

В зале поместья Линна пахло озоном от выключенного монитора и дешевым табаком — Барон фон Гейер оставил свою трубку на камине как метку хозяина. Ростислав сидел непо-

движно, глядя в темный экран, где еще секунду назад было лицо его будущей жены. Его пальцы, всё еще сжимавшие ручку, побелели.

— Она меня боится, Федя... — прошептал Ростислав. — Ты видел её глаза? Она смотрела на меня как на прокаженного.

Филатов медленно подошел к нему сзади. Его левая рука, туго перебинтованная поверх защитой раны, легла на спинку кресла. Правая всё еще висела безжизненным грузом, засунутая за борт кителя.

— Страх — это лучшее, что она может к тебе чувствовать, — отчеканил Филатов. Голос его после потери крови стал глухим, надтреснутым. — Любовь проходит через год. Жалость — через неделю. А страх... страх заставляет её отца давать нам деньги на пушки.

Филатов резко, одним движением левой руки, развернул кресло вместе с Ростиславом к окну. За стеклом, в густом финском тумане, виднелись огни патрульных катеров.

— Видишь? Это Финляндия. Сегодня это твоя клетка. Но я сделаю так, чтобы завтра она стала твоим плацдармом. Эта страна — всё, что осталось от Империи в твоих руках. И ты должен выжать из неё всё. Каждое евро, каждую винтовку.

Ростислав поднялся. Он чувствовал, как усталость наваливается на него свинцовой плитой.

— Я хочу спать. Пожалуйста... я не спал двое суток.

Филатов медленно достал свой ремень левой рукой. Кожа хрустнула в тишине зала.

— Спать? Спать будет твой труп в Петропавловской крепости, если ты сейчас закроешь глаза.

Кадет подошел к столу и ударил по нему ремнем.

— Садись. Бери бумагу.

— Зачем? — Ростислав попятился

— Мы будем писать имена. Всех, кто был в штабе. Всех, кто отдал приказ к отступлению. Всех, кто нацепил красные банты, когда твой отец еще дышал.

Ты должен знать своих убийц в лицо. Поименно.

Филатов наклонился к самому лицу князя. Из его рта пахло железом и горькой настойкой.

— Мы не просто «воскрешаем род». Мы готовим список казней. И твой сын,

Рюрик, должен будет прочитать его как первую азбуку. Пиши, Ростислав.

Первое имя — Слякотин.

Ростислав дрожащей рукой взял лист. Перо скрипнуло.

— С... Л... Я... К... О... Т... И... Н...

— Сильнее нажимай! — рыкнул Филатов, и ремень снова опустился на дуб стола в сантиметре от пальцев князя. — Пиши так, чтобы бумага рвалась. Чтобы ненависть входила в твои пальцы вместе с чернилами. Это твоя первая молитва, Князь.

Они сидели в холодном зале до самого рассвета. Филатов, бледный как призрак, стоял за спиной, и его левая рука периодически сжимала плечо Ростислава, не давая ему упасть в обморок от истощения. К утру список предателей насчитывал сорок имен. Сорок смертных приговоров, которые ждали своего

Часа

Рассвет в поместье Линна был серым и колючим. Снежная крупа билась в окна зала, где Ростислав только что закончил писать сороковое имя в списке предателей. Его пальцы свело судорогой, чернильное пятно расплылось на пергаменте, как клякса запекшейся крови.

— Я... я больше не могу, Федя... — голова князя упала на скрещенные руки. Филатов, чья левая рука всё еще покоилась на плече Ростислава, не убрал её. Напротив, он сжал пальцы сильнее, нащупывая ключицу.

— Можешь, — выдохнул он. Его голос был сухим от лихорадки, но воля была тверже гранитных стен замка. — Вставай. Иди в подвал.

Ростислав поднял мутный взгляд.

— В подвал? Зачем? Там же холод... там нет отопления.

— Там есть правда, — Филатов медленно отпустил его и потянулся к своему ремню, лежащему на столе. Он подхватил его левой рукой, ловко перехватив за бляху. — Иди вперед.

Они спускались по узкой винтовой лестнице. Ступени были скользкими от сырости. Внизу, в бывшем винном погребе, было темно, пахло плесенью и старым железом. Единственная тусклая лампочка под потолком раскачивалась, отбрасывая на стены уродливые, ломаные тени.

Филатов указал на тяжелый деревянный столб в центре подвала. — Стань спиной.

Ростислав замер. Холод подвала пробрался под его тонкую шелковую рубашку, заставляя кожу покрыться мурашками.

— Зачем, Федя? Я же всё сделал... я всё подписал...

— Ты подписал бумагу, — Филатов встал напротив него, поигрывая ремнем в левой руке. — А теперь ты должен подписать это в своем сердце. Ты плакал, когда стрелял в туннеле. Ты дрожал, когда видел кровь. Царь не имеет права на дрожь.

Филатов внезапно, без предупреждения, наотмашь ударил ремнем по деревянному столбу в сантиметре от уха Ростислава. Свист кожи и тяжелый удар заставили князя вскрикнуть и зажмуриться.

— Не закрывай глаза! — рявкнул Филатов. — Смотри на удар! Смерть приходит к тем, кто зажмуривается. Он снова замахнулся левой рукой.

— Сегодня мы будем учиться стоять неподвижно. Я буду бить рядом. Если ты шелохнешься — я ударю по-настоящему. Ты должен привыкнуть к свисту стали. Чтобы когда придет время Рюрику учиться у меня, ты не посмел его пожалеть.

Ростислав прижался спиной к холодному дереву. Его колотило. Он смотрел в безумные, честные глаза кадета-левши и понимал: это не садизм. Это хирургия души. Филатов вырезал из него человека, чтобы освободить место для монарха.

Ремень снова свистнул в воздухе.

Свист ремня в затхлом воздухе подвала оборвался резким, сухим ударом о дерево в миллиметре от виска Ростислава. Щепка от разможенного столба впилась князю в скулу, прочертив тонкую алую линию, но он не шелохнулся. Он продолжал смотреть прямо перед собой — в пустоту, где замерцали холодные искры безумия Филатова.

— Ты моргнул, — выдохнул Филатов. Его левая рука, державшая ремень, мелко дрожала от напряжения, а бинты на простреленном плече снова начали темнеть. — Смерть не моргает, Ростислав. Она просто приходит и забирает тех, кто зажмурился.

Кадет сделал шаг назад, припадая на здоровую ногу. В тусклом свете качающейся лампы его лицо казалось высеченным из того же серого гранита, из которого были сложены стены поместья Линна.

— Зачем ты это делаешь, Федя? — голос Ростислава был тихим, лишенным прежних слез. В нем проступила опасная, ломкая сухость. — Ты зашил себя левой рукой без стопа. Ты заставил меня убить человека. Ты заставил меня продать страну голландцам. Что еще тебе нужно? Моя душа?

Филатов криво усмехнулся, и эта гримаса боли и торжества сделала его похожим на демона.

— Твоя душа мне не нужна. Мне нужен фундамент. Твой сын, Рюрик, должен родиться в мире, где слово «Романов» заставляет людей падать ниц от страха, а не от жалости. И этот

мир построишь ты. Из этого подвала. Он медленно опустился на одно колено — не в знак почтения, а чтобы достать из-под груды гнилой соломы старый кожаный тубус, обмотанный колючей проволокой. Филатов зубами сорвал крепления и левой рукой вытряхнул содержимое на грязный пол.

Это был Императорский штандарт. Тяжелый шелк, расшитый черными орлами, прожженный в нескольких местах и пахнувший гарью Зимнего дворца. Золотое шитье тускло блеснуло в полумраке, словно глаза пробуждающегося зверя. — Поднимай, — приказал Филатов, кивая на знамя. — Это твоя единственная земля на сегодняшний день. Весь твой протекторат, вся Финляндия — это ничто. Твое государство — этот кусок обгорелой ткани.

Ростислав медленно опустился на колени. Его пальцы, до сих пор хранившие холод металла пулемета «Корд», коснулись шелка. В этот момент иерархия в подвале Линны окончательно закрепилась: Филатов был творцом, а Ростислав

— его единственным, болезненным инструментом.

— С этого дня, — Филатов намотал ремень на кулак левой руки и тяжело положил его на плечо князя, — ты не беженец. Ты — точка воскрешения. Мы начнем собирать тех, кто выжил. Офицеров, кадетов, сибиряков. Мы создадим здесь свою Россию. Без парламентов и предателей. Только ты, я и те, кто готов сдохнуть по твоему слову.

Сверху, со стороны лестницы, донесся тяжелый стук кованых сапог. Барон фон Гейер спускался вниз, ведя за собой двух людей в серых шинелях. Филатов мгновенно перехватил карабин левой рукой, закрывая собой коленопреклоненного Ростислава со знаменем.

— Стоять, — отрезал левша. — Сюда входят только по моему приказу. Барон замер на последней ступени, глядя на эту сцену: окровавленный кадет с оружием и будущий царь, прижимающий к груди обгоревший штандарт.

— Принцесса Беатрикс прибывает через три дня, — сухо произнес Гейер. —

Она хочет видеть своего супруга. Надеюсь, он уже перестал плакать? Ростислав медленно поднялся с колен, оборачивая штандарт вокруг пояса под рубашкой. Его взгляд встретился со взглядом Барона, и старый интриган впервые почувствовал холод, исходящий от «золотого мальчика». — Принцесса увидит то, что ей положено, Барон, — голос Ростислава был тверд. — А вы увидите список имен, который мы составили наверху. Начните искать этих людей. Мне нужны их головы к свадьбе.

Филатов довольно оскалился. Закалка начала давать первые плоды. Воздух в лесу вокруг Линны был густым, как кисель, и пах застоявшейся смолой. Снег здесь не таял, он лежал тяжелыми пластами, скрывая под собой всё: от корней старых сосен до растяжек, которые Филатов лично установил левой рукой еще на рассвете.

Ростислав шел за кадетом, стараясь попадать след в след. Под гимнастеркой, на голом теле, обгоревший императорский штандарт жег кожу — шелк был пропитан солью пота и копотью Зимнего дворца. Князь чувствовал, как тяжелое золото орла на поясе бьет его по ребрам при каждом шаге, напоминая о грузе, который он поднял в подвале.

— Стой, — Филатов вскинул левую руку. Его пальцы в черной кожаной перчатке без пальцев сжались в кулак.

Из-за заснеженного выворотня, словно соткавшись из самого тумана, поднялась фигура. Капитан Мороз. Его шинель была облеплена хвоей, лицо изрезано глубокими морщинами, в которых забились пороховая гарь. За его спиной, в тених деревьев, Ростислав разглядел еще одиннадцать теней. Те самые «призраки» — остатки сибирских стрелков и кадетских корпусов. — Ваше Высочество, — Мороз не просто поклонился, он рухнул на одно колено, и звук этого удара о мерзлую землю отозвался в сердце Ростислава барабанным боем.

— Встань, Капитан, — голос Ростислава прозвучал неожиданно хрипло, но в нем уже не было той детской плаксивости. — Филатов сказал, что вы — мои руки. Покажите мне, что эти руки сделали за ночь.

Мороз медленно поднялся и протянул князю замасленную полевую сумку. Филатов сделал шаг назад, уступая место Ростиславу, но его левая рука попрежнему лежала на рукояти карабина, а большой палец ласкал предохранитель.

В сумке лежали фотографии и обрывки документов. Ростислав вытянул один снимок. На нем был запечатлен интерьер дорогого отеля в Хельсинки. На ковре, лицом вниз, лежал человек. Слякотин-младший. Тот самый, чье имя было вторым в «списке мертвецов».

— Мы достали его в три утра, — сухо доложил Мороз. — Он пытался продать архивы вашего отца финской разведке. Теперь он ничего не продаст. Его язык... мы оставили его на столе, как вы и просили в записке. — Хорошо, — Ростислав вернул сумку. — Это только начало. Филатов говорит, что Европа считает нас товаром. Мы докажем им, что мы — охотники. Мороз, рассредоточьте людей по периметру поместья. Сегодня прибывает яхта из Гааги. Я хочу, чтобы каждый голландец, сошедший на берег, чувствовал ствол у своего затылка, даже если он его не видит. Филатов криво ухмыльнулся. Он подошел к Морозу и, достав свой ремень левой рукой, протянул его капитану.

— Возьми. Если кто-то из твоих парней дрогнет или пожалеет патрона — используй это. Мягкость убила старого царя. Мы вырастим нового на железе. Капитан принял ремень как святыню. В лесу воцарилась тишина, прерываемая только далеким гулом приближающейся яхты.

Яхта «Оранж-Принс» входила в бухту Линны медленно, как хищная рыба в мутную воду. Её белоснежный борт резал серые волны залива, вызывая у Ростислава почти физическую боль — слишком чистой, слишком благополучной она выглядела на фоне их обшарпанной гранитной крепости.

На пирсе выстроился почетный караул финской полиции, но Ростислав знал: в ста метрах выше, в скалах, Мороз уже поймал голову каждого офицера в перекрестие прицела.

Принцесса Беатрикс сошла по трапу первой. Она была в тяжелом синем пальто с меховым воротником, её волосы были уложены волосок к волоску. Она не шла — она несла себя, как драгоценный сосуд. За ней следовал Барон фон

Гейер, суетливо поправляя очки.

Ростислав стоял на верхней ступени крыльца. На нем была та же грязная гимнастерка, штандарт под ней делал его торс шире, массивнее. Филатов замер справа, на полшага позади. Его правая рука была картинно засунута за борт шинели, имитируя наполеоновскую позу, но все знали — его рабочая сила в левой.

Беатрикс остановилась у подножия лестницы. Она подняла голову, и её взгляд — холодный, оценивающий взгляд породистой кобылы на аукционе — встретился с глазами Ростислава. Она ждала поклона. Ждала, что он сбежит к ней, целуя руки за спасение.

— Вы заставили меня проделать долгий путь, Ростислав, — её голос звенел, как битый лед. — Надеюсь, это поместье стоит того, чтобы в нем мерзнуть. Ростислав не шелохнулся. Он медленно опустил взгляд на её дорогие сапоги, затем снова посмотрел ей в лицо.

— Это поместье стоит того, чтобы из него править миром, Беатрикс. Но вам, в ваших голландских каналах, этого не понять. Проходите. У нас мало времени на любезности.

Беатрикс побледнела. Она посмотрела на Барона, ища поддержки, но тот лишь пожал плечами. Она снова перевела взгляд на Ростислава и наткнулась на Филатова. Тот не скрывал своей левой руки — она лежала на рукояти тяжелой кавалерийской шашки. Его большой палец методично поглаживал эфес.

— Кто этот... человек? — брезгливо спросила принцесса, указывая на

Федора. — У него вид каторжанина.

— Этот человек — причина, по которой я еще жив, — отрезал Ростислав. — И причина, по которой вы станете императрицей, а не просто богатой вдовой. Его зовут Филатов. И я советую вам не называть его «этим человеком» во второй раз.

Беатрикс почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она ожидала встретить марионетку, а встретила жожака стаи призраков. Она сделала первый шаг по лестнице, и в этот момент из леса донесся резкий, пронзительный крик птицы. Мороз подал сигнал.

Филатов едва заметно кивнул.

— Прошу в зал, Ваше Высочество, — прохрипел он левой рукой указывая путь. — Ужин подан. Но предупреждаю: мясо у нас жесткое. Как и всё остальное. Зал для приёмов в Линне не отапливали неделями, и теперь, когда камин наконец разожгли, по стенам поползли капли конденсата, похожие на холодный пот. Стол был накрыт на троих. Беатрикс сидела во главе, прямая и неестественно бледная в своём шёлковом платье, которое казалось здесь чужеродным, как экзотическая бабочка на леднике.

Ростислав сидел напротив. Под его гимнастёркой всё ещё угадывался жёсткий контур штандарта. Он молчал, методично разрезая кусок пересушенной оленины.

Филатов не сел. Он стоял чуть позади князя, в тени, куда не дотягивался свет свечей. Его левая рука покоилась на спинке стула Ростислава, а правая по-прежнему была скрыта за бортом кителя. От кадета исходил тяжёлый запах дегтярного мыла и спирта — запах свежих перевязок. — У вас... специфические манеры, Ростислав, — Беатрикс едва коснулась вина в хрустальном бокале. — Ваш отец славился своим изяществом. Вы же больше напоминаете... полевого командира

— Мой отец мёртв, Беатрикс, — Ростислав поднял на неё взгляд, и принцесса вздрогнула. В его зрачках отражалось пламя свечи, делая их похожими на два раскалённых угля. — Изыщество не остановило пули. Его остановил только этот человек.

Он кивнул на Филатова. Федор медленно вышел из тени. Его левая рука скользнула к поясу, и на стол, прямо между тарелкой принцессы и серебряным подсвечником, легла та самая замасленная сумка капитана

Мороза.

— Что это? — Брезгливо поморщилась Беатрикс. — Грязные вещи за обеденным столом? Барон, уберите это.

Барон фон Гейер, стоявший у двери, сделал шаг вперёд, но Филатов лишь слегка шевельнул карабином, висевшим у него на плече. Барон замер. — Это не вещи, Ваше Высочество, — прохрипел Филатов. Его левая рука ловко, одними пальцами, выудила из сумки фотографию Слякотина-младшего. — Это отчёт о выполненных работах. Первый взнос в наш будущий брак.

Беатрикс невольно опустила взгляд на снимок. Увидев мёртвое лицо с отрезанным языком на столе, она издала короткий, судорожный вздох и прижала салфетку к губам.

— Боже... вы... вы чудовища... — выдохнула она, отстраняясь от стола. —

Барон, немедленно прикажите моей охране...

— Ваша охрана сейчас пьёт чай внизу, под присмотром моих людей, — спокойно перебил её Ростислав. — А Барон знает, что если он дёрнется, он станет сорок первым в этом списке.

Ростислав медленно поднялся, опираясь руками на стол.

— Слушай меня, Беатрикс. Ты приехала сюда, чтобы купить себе империю. Но ты покупаешь не только земли и порты. Ты покупаешь кровь. Ты выйдешь за меня, и ты будешь молчать о том, что видишь. Потому что только так мы вернёмся в Россию. И только так твой отец не потеряет свои вложения. Филатов подошёл к принцессе почти вплотную. Он достал свой ремень левой рукой и медленно положил его рядом с фотографией трупа.

— Привыкайте к запаху, принцесса, — прошептал он ей на ухо. — В России пахнет именно так. Смертью и железом. И если вы хотите быть императрицей, вам придётся полюбить этот аромат.

Беатрикс посмотрела на ремень, затем на Ростислава. Она поняла, что попала в ловушку, из которой нет выхода. Эти двое не были беженцами. Они были архитекторами нового, страшного мира.

— Я... я поняла, — прошептала она, опуская глаза. — Когда свадьба? — Свадьба будет в Хельсинки через месяц, — отрезал Ростислав. — А пока вы останетесь здесь. Под защитой Филатова.

Федор довольно оскалился. Его левая рука снова намотала ремень на кулак.

Первый раунд дипломатии был выигран силой

Ночь в поместье Линна не принесла покоя. Ветер с залива бился в гранитные стены, пробираясь сквозь щели и заставляя пламя свечей в коридорах танцевать безумные танцы. Беатрикс не спала. Тот снимок на обеденном столе — отрезанный язык Слякотина — стоял у неё перед глазами, как несмываемое пятно.

Она сидела у секретера в своих покоях, судорожно сжимая в пальцах тонкое золотое перо. Лист тончайшей бумаги с гербом Оранского дома был исписан мелким, летящим почерком.

«...Отец, это не те люди, о которых говорил Барон. Ростислав — не марионетка, он заражён безумием своего охранника. Этот левша, Филатов, он — настоящий дьявол. Если мы дадим им армию, мы создадим монстра, которого не удержит никакая Гаага. Пришлите за мной корабль. Я не могу быть частью этого...»

Она потянулась к сургучу, чтобы запечатать конверт, когда дверь за её спиной, не издав ни звука, открылась. Холодный сквозняк лизнул её шею. Беатрикс замерла. Она не оборачивалась, но видела в отражении тёмного оконного стекла силуэт. Филатов. Он стоял в дверном проёме, прислонившись плечом к косяку. Его правая рука была скрыта за бортом кителя, а левая — свободная, тяжёлая — медленно поигрывала знакомым ремнём.

— Красивый почерк, — прохрипел он. Голос кадета в ночной тишине казался скрежетом железа по камню. — В кадетских корпусах за такой ставили «отлично». Но нас учили другому: письмо, которое не должно дойти до адресата, лучше не писать вовсе.

Беатрикс резко обернулась, прикрывая письмо ладонью.

— Как вы смели войти без стука?! Это мои покои! Барон...

— Барон сейчас спит очень крепким сном. Мои люди умеют готовить чай с травами, — Филатов медленно вошёл в комнату. Его шаги по паркету были абсолютно бесшумными. — Дай мне бумагу, девочка. Не заставляй меня использовать левую руку для того, что тебе не понравится.

Беатрикс вскочила, её грудь бурно вздымалась.

— Вы не посмеете! Я — принцесса Нидерландов! Если со мной что-то случится, мой отец сотрёт это поместье с лица земли!

Филатов остановился в двух шагах. Он медленно протянул левую руку и, не глядя на Беатрикс, взял со стола свечу.

— Твой отец далеко. А я здесь. И Ростислав здесь. И штандарт, который греет его рёбра под гимнастёркой — он тоже здесь. Ты думала, что ты — покупатель? Нет. Ты — залог.

Он резким движением выхватил письмо из-под её ладони. Беатрикс попыталась вцепиться в бумагу, но Филатов лишь слегка оттолкнул её плечом, и она бессильно осела в кресло.

Он пробежал глазами по строчкам. На его лице появилась страшная, кривая ухмылка.

— «Дьявол»... «Монстр»... — он хмыкнул. — А ты проницательнее, чем я думал. Жаль, что ты так и не поняла главного

Филатов поднёс край письма к пламени свечи. Бумага вспыхнула мгновенно. Яркий оранжевый огонь осветил его лицо — скулы, покрытые пороховой гарью, и холодные, пустые глаза. Он держал догорающий лист левой рукой до тех пор, пока пламя не коснулось его пальцев. Он даже не дрогнул. Чёрный пепел медленно опустился на дорогой ковёр.

— Завтра в Хельсинки будет пресс-конференция, — Филатов наклонился к самому её лицу. Она чувствовала запах спирта и старой крови. — Ты выйдешь к журналистам под руку с Ростиславом. Ты будешь сиять. Ты объявишь, что твой отец полностью поддерживает «Законного Наследника». И если ты запнёшься... если хоть одна тень сомнения промелькнёт в твоих глазах...

Он медленно намотал ремень на кулак левой руки прямо перед её лицом. — Я сделаю так, что твой следующий снимок в сумке Мороза будет выглядеть гораздо хуже, чем у Слякотина. Твой сын, Рюрик, должен родиться от сильной матери. Начинай ею становиться прямо сейчас.

Беатрикс смотрела на пепел у своих ног. Она поняла: из этой клетки нет выхода. Филатов выжег её мосты так же легко, как это письмо.

— Убирайтесь, — прошептала она, закрывая лицо руками.

— Спи, Императрица, — Филатов задул свечу, погружая комнату в полную тьму. — Завтра великий день. Мы начинаем возвращать долги.

Зал пресс-центра в Хельсинки напоминал растревоженный улей. Сотни камер, вспышки которых слепили, как разряды молний, и гул голосов на десятке языков. Мировая пресса ждала сенсации: появления «Призрака из окопов» и принцессы Нидерландов.

Ростислав стоял за тяжелой бархатной портьерой. На нем был безупречный черный мундир, сшитый финскими портными за одну ночь. Под сукном, прямо на коже, по-прежнему был намотан обгоревший штандарт — он колол ребра, напоминая о подвале Линны и запахе гари. Князь чувствовал, как капля пота медленно ползет по позвоночнику.

— Плечи, — сухой шепот Филатова раздался прямо над ухом.

Кадет стоял в тени портьеры. Он сменил кадетскую куртку на строгий черный костюм, который сидел на нем как броня. Правая рука картинно покоилась в кармане, а левая — открытая, с узловатыми венами — сжимала свернутый в трубку ремень.

— Они — волки, Ростислав. Если почувствуют, что ты боишься их вспышек, они тебя сожрут. Смотри поверх их голов. Ты не отвечаешь им. Ты милуешь их своим вниманием. Понял? Ростислав сглотнул.

— Беатрикс... она выйдет?

— Выйдет. У неё нет выбора, если она хочет, чтобы её отец продолжал пить кофе в Гааге, а не захлебывался собственной кровью, — Филатов чуть подтолкнул князя левой рукой в спину. — Иди. И помни: я в пятом ряду, слева. Если ты начнешь мямлить, я просто подниму руку. Ты знаешь, что это значит.

Портьеры разошлись. Свет ударил в лицо Ростиславу, как физический удар. На мгновение он ослеп, но тут же почувствовал маленькую, ледяную ладонь, которая вложилась в его руку. Беатрикс. Она вышла с другой стороны, сияя бриллиантами и фальшивой, идеально выверенной улыбкой. Её пальцы впились в его ладонь так сильно, что ногти вошли в кожу.

— Улыбайся, мой будущий император, — прошептала она, не меняя выражения лица. — Мы в аду, и нам нужно выглядеть его хозяевами.

Они прошли к трибуне. Зал взорвался криками и щелканьем затворов. — Господин Романов! Это правда, что ваш отец погиб? — выкрикнул журналист из BBC.

— Ваше Высочество Беатрикс, Нидерланды действительно выделяют два корпуса для интервенции? — вопил репортер из Рейтер.

Ростислав поднял руку. Тишина установилась мгновенно, тяжелая и вязкая.

Он нашел глазами пятый ряд. Филатов стоял там, прислонившись к колонне.

Его левая рука медленно разворачивала ремень.

— Мой отец погиб за Россию, — голос Ростислава, усиленный микрофонами, разнесся по залу, как удар колокола. В нем не было дрожи — Филатов выжег её в подвале. — Но Россия не погибла. Она здесь, со мной. И рядом со мной

— вся Европа в лице моей невесты.

Беатрикс шагнула вперед, её голос был полон ложной уверенности:

— Дом Оранских официально заявляет: мы поддерживаем Законного Наследника.

Силы Коалиции уже выдвигаются к границам. Мы вернем мир в Петербург В этот момент один из журналистов в первом ряду — бледный человек с бегающими глазами (Ростислав узнал в нем протеже предателя Слякотина) — вскочил с места:

— Это ложь! Вы — марионетка Нидерландов! Где доказательства вашей легитимности?! Вы просто мальчик, которого прячет в лесах безумный левша! Зал ахнул. Ростислав замер. Он почувствовал, как страх снова пытается сжать его горло. Он посмотрел на Филатова. Тот медленно поднял левую руку

и... улыбнулся. Это была улыбка палача, который увидел свою жертву. Вспышки камер на мгновение превратились в заградительный огонь на передовой. Ростислав почувствовал, как к горлу подкатывает знакомый ледяной ком, парализующий волю. Зал замер, сотни глаз впились в него, ожидая оправданий или бегства. Крикун в первом ряду, торжествуя, уже заносил руку для следующего обвинения.

Но в этот момент Ростислав поймал взгляд Филатова.

Кадет в пятом ряду не двигался. Он лишь медленно, почти лениво, поднёс левую руку к своему горлу и провёл большим пальцем по коже — короткий, страшный жест. В памяти Ростислава вспыхнул подвал Линны, запах плесени и свист ремня.

«Смотри на удар, Князь! Смерть приходит к тем, кто зажимурируется!» — голос Филатова пророкотал в его сознании громче, чем гул толпы.

Ростислав выпрямился. Его позвоночник превратился в стальной стержень. Он почувствовал, как обгоревший шёлк штандарта под мундиром впился в его кожу, словно живое существо, требующее крови.

— Вы говорите о заложниках? — голос Ростислава разрезал тишину, как скальпель. В нём больше не было дрожи — только сухая, аристократическая ярость. — Вы говорите о письмах?

Он сделал шаг вперёд, нависая над трибуной. Беатрикс застыла рядом, её пальцы впились в край стола так, что костяшки побелели. Она видела:

Ростислав меняется прямо на глазах.

— Вы ищете доказательства моей легитимности в бумажках предателей, которые бежали из Питера раньше, чем догорел Зимний дворец? — Ростислав медленно, не сводя глаз с крикуна, расстегнул верхнюю пуговицу мундира. —

Моя легитимность не в Гааге. И не в Хельсинки.

Он резко, одним движением, рванул борт мундира.

Под безупречным сукном, поверх белой рубашки, грубыми узлами был намотан чёрный, обгоревший кусок ткани. Золотое шитьё двуглавого орла тускло блеснуло в свете сотен софитов. Зал ахнул так, будто у всех одновременно перехватило дыхание. Это был запах гари, запах пороха и запах старой

Империи, ворвавшийся в стерильный зал пресс-центра.

— Это штандарт моего отца, — отчеканил Ростислав. — Я вынес его из огня, пока ваши хозяева делили мои порты. Это — единственная правда, которая имеет значение.

Он повернулся к побледневшему журналисту:

— А что касается «безумного левши»... Он не прячет меня. Он охраняет тех, кто ещё не понял, что время переговоров закончилось.

Ростислав нашёл глазами Филатова. Тот медленно опустил левую руку и едва заметно кивнул. В этом жесте было высшее признание — ученик усвоил урок.

В ту же секунду двое крепких мужчин в штатском (люди Капитана Мороза, «тени» из леса) бесшумно выросли за спиной кричавшего журналиста. Они не стали устраивать сцену

— просто взяли его под локти и так же тихо вывели из зала. Никто не посмел задать вопрос «куда?».

Беатрикс посмотрела на Ростислава с настоящим, непритворным ужасом. Она поняла, что «золотой мальчик» окончательно умер. Перед ней стоял человек, который носит на себе труп своей страны и готов убивать за него. — Конференция окончена, — бросил Ростислав в притихшие микрофоны. — Мы возвращаемся домой.

[30.03.2026 16:54] Николай | zerou_impraer: Тяжёлая дверь бронированного лимузина захлопнулась с глухим, вакуумным звуком, мгновенно отсекая яростный гул толпы и бесконечный стрекот затворов. В салоне воцарилась противоестественная тишина, нарушаемая лишь надрывным дыханием

Ростислава.

Он рухнул на заднее сиденье, не заботясь о складках дорогого мундира. Его пальцы всё ещё судорожно сжимали края разорванного борта, под которым чернел обгоревший императорский штандарт. Золотое шитьё орла впивалось в кожу, напоминая: он только что выставил своё сердце на обозрение всему миру.

Беатрикс забилась в противоположный угол салона. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых застыл не просто страх, а священный ужас. Она видела, как этот мальчик, которого она считала сломленным беженцем, только что раздавил международный протокол одним жестом. — Ты... ты сумасшедший, — прошептала она, и её голос дрогнул. — Ты показал им знамя. Ты признал, что за твоей спиной стоит этот... — она осеклась, бросив взгляд на переднее сиденье.

Филатов сидел вполоборота к ним. Его правая рука, как всегда, была неподвижна, скрытая за бортом пиджака, но левая — свободная, с узловатыми венами — медленно потянулась к плечу Ростислава.

Князь невольно сжался, ожидая рывка или удара за «самодеятельность» на трибуне, но Филатов просто положил тяжёлую ладонь ему на плечо. Впервые за всё время это не было захватом. Это было прикосновение равного.

— Ты не сумасшедший, Князь, — прохрипел Филатов. Его взгляд, отразившийся в зеркале заднего вида, горел холодным торжеством. — Ты — легитимность, омытая гарью. Европа хотела увидеть марионетку, а увидела призрак Империи. Теперь они не будут торговаться. Теперь они будут бояться.

Филатов медленно достал свой ремень левой рукой и, не сводя глаз с Ростислава, положил его на колени князя. Кожа хрустнула в тишине машины. — Сегодня ты сам ударил их всех сразу, — тихо сказал Федор. — Без моего приказа. Ты вспомнил подвал, Ростислав. Ты вспомнил вкус железа. В это время в залах Брюсселя и Гааги воцарился хаос. Телевизионные экраны по всему миру транслировали один и тот же кадр: молодой Романов с разорванным мундиром и обгоревшим орлом на груди.

Барон фон Гейер, оставшийся в Хельсинки, судорожно шептал в трубку защищённого телефона:

— Сценарий сожжён. Слышите? Он показал штандарт! Этот левша Филатов... он вырастил не наследника. Он вырастил мстителя. Если мы не поддержим его сейчас, он соберёт свою армию из теней и выжжет всё на своём пути. Европа содрогнулась. Дипломаты спешно переписывали ноты протеста в акты о признании.

— Федея, — Ростислав наконец поднял взгляд на Филатова. Его голос окреп, в нём появилась та самая сухая властность, которую в него вбивали

«кнутом». — Что дальше?

Филатов оскалился, и в полумраке салона его лицо казалось маской древнего бога войны. Его левая рука крепко сжала плечо князя.

— А дальше, Ростислав, мы едем в Линну. Там тебя ждут Мороз и «тени». У них есть новости из Сибири. Твоё «Воскрешение Рода» перестало быть планом. Оно стало реальностью.

Лимузин рванул вперёд, разрезая густой финский туман. Наследник Российской Империи возвращался в свою клетку уже не как узник, а как полководец.

Лимузин ещё не успел остыть у высокого крыльца Линны, когда морозный туман над заливом разорвал надрывный крик радиостанции. Капитан Мороз вылетел навстречу, едва не сбив с ног финских гвардейцев. В его руках дрожал листок радиограммы, принятой по зашифрованному каналу из глубокого тыла Коалиции — те самые новости, о которых Филатов шептал в машине. — Ваше Высочество! — голос Мороза сорвался на хрип, пар вырывался изо рта густыми клубами. — Сибирь встала! Красноярск, Иркутск, Чита — заводы вырезали комендатуры! Офицеры-староверы и кадетские корпуса подняли чёрные флаги с вашим именем. Они не просят мира — они ждут приказа идти на запад, к Уралу!

Ростислав замер на обледенелой ступени, всё ещё сжимая края разорванного на груди мундира. Весть о восстании ударила его в грудь сильнее любого снаряда. Тысячи людей, которых он никогда не видел, вгрызались в глотки врагам за одно только его имя, за тот обгоревший кусок шёлка, что сейчас жёг его рёбра под сукном. Он медленно повернул голову к Филатову. Кадет стоял, прислонившись к гранитной стене замка. Его левая рука медленно ослабляла узел галстука, а на губах застыла страшная, почти святая улыбка. Он посмотрел на Ростислава, затем на Беатрикс, которая застыла между ними, бледная как мрамор после всего увиденного в Хельсинки.

— Слышишь, Князь? — прохрипел Филатов. — Это не дипломатия. Это — стон земли, которая признала своего Хозяина. Твоё «Воскрешение Рода» началось там, где рождается сталь.

Беатрикс смотрела на этих двоих — на искалеченного левшу и на юного Романова, который за один день превратился в ледяной клинок. В этот момент она почувствовала странный, глубокий спазм внизу живота. Ощущение было пугающим, первобытным и абсолютно необратимым. Она непроизвольно прижала ладонь к животу, и мир вокруг неё вдруг перевернулся. Всё, что она считала «политическим браком», обрело вес живой жизни.

В ту ночь в поместье Линна всё изменилось.

Беатрикс сидела в своей спальне, глядя в окно на тёмные ели, за которыми скрывались «тени» Мороза. Дверь скрипнула. Вошёл Филатов. Без стука, без звука. В его левой руке был тяжёлый стакан горячего молока с мёдом и каплей спирта — старое кадетское средство, чтобы унять дрожь в костях после боя.

— Пей, — коротко бросил он, ставя стакан на столик.

Беатрикс вздрогнула и посмотрела на него снизу вверх. Её глаза, полные прежнего ужаса перед «безумным левшой», вдруг наполнились слезами иного рода.

— Вы знали?.. Как? — прошептала она, касаясь своего живота.

Филатов медленно присел на край дубового сундука напротив неё. Его правая рука была неподвижна, спрятана за бортом, но левая — та самая, что била Ростислава ремнём, та самая, что зашивала раны без наркоза и душила врагов в темноте — осторожно, почти невесомо коснулась её плеча. В этом жесте не было угрозы. В нём была защита, какую чувствуют за каменной стеной

— Я чувствую продолжение рода за версту, девочка, — тихо сказал Федор. Его голос в тишине комнаты звучал как молитва старого солдата. — В тебе сейчас зарождается Рюрик. Тот, ради которого я сжёг свою совесть и превратил твоего мужа в волка.

Беатрикс смотрела на его изуродованное лицо, на шрамы и на этот вечный ремень, свисающий с пояса. И вдруг пелена спала. Она поняла: Филатов — не дьявол. Он не был садистом,

наслаждающимся чужой болью. Он был отцом отцов. Тем единственным существом, которое взяло на себя всю грязь и грехи этого мира, чтобы её ребёнок мог родиться в величии.

— Вы... вы создали его, — прошептала она, указывая на дверь кабинета, где Ростислав уже обсуждал карту Сибири с Морозом. — Вы создали моего мужа. И вы сохраните моё дитя.

— Я лишь тот, кто держит огонь, пока куётся сталь, — Филатов поднялся, и его тень накрыла всю комнату до самого потолка. — Спи, Императрица. Завтра Мороз привезёт первых офицеров-перебежчиков. Ты выйдешь к ним и положишь руку на живот. Они должны знать: Империя уже вернулась. Она в твоей крови.

Утро в Линне не принесло солнца — только густой, промозглый туман, который, казалось, выедал камни поместья. Но на плацу перед домом было жарко. Там, выстроившись в две шеренги, замерли тридцать человек. Это не были напуганные беженцы. Это были те самые сибирские офицеры и кадеты-перебежчики, которые прорывались через горящую Россию, через заградотряды революции, ведомые единственной целью.

На них была разношерстная форма: обгоревшие шинели, гражданские пальто, поверх которых крест-накрест шли пулеметные ленты. Но выправка была стальной.

Ростислав вышел на крыльцо. Он больше не кутался в мундир. Под кителем, туго перетягивая грудь, всё так же лежал императорский штандарт, и его тяжесть теперь казалась естественной, как вторая кожа. Слева от него, на шаг позади, стояла Беатрикс. Она была бледной, но её рука, плотно прижатая к животу, не дрожала. Она помнила ночной шепот Филатова и знала, что несет в себе не просто ребенка, а оправдание всей этой крови. Филатов стоял справа. Его левое плечо, зашитое вчера «на живую», было туго стянуто ремнями португали. Его левая рука покоилась на рукояти карабина, а правая по-прежнему была неподвижна, спрятана за бортом. Он обвел строй своим единственным зрячим, выжигающим взглядом. — Смирно! — Голос Филатова, надтреснутый лихорадкой, заставил сосны вздрогнуть.

Капитан Мороз шагнул вперед, чеканя шаг по обледенелому граниту. Он подошел к Ростиславу и, заставив себя не смотреть на растерзанный мундир князя, протянул ему тяжелый, пахнущий оружейным маслом предмет. Это был старый кавалерийский маузер в деревянной кобуре.

— Ваше Высочество, — прохрипел Мороз. — Сибирь ждет команды. Граница в сорока километрах отсюда. Там, в лесах, стоят еще две сотни верных. Мы готовы переходить.

Ростислав посмотрел на маузер, потом на строй солдат. Он почувствовал, как десятки глаз впииваются в него, требуя не слов, а права на смерть. Он медленно перевел взгляд на Филатова.

Федор едва заметно кивнул. Его левая рука скользнула к поясу, он отстегнул свой ремень и, вместо того чтобы замахнуться, протянул его Ростиславу бляхой вперед. Это был момент передачи власти. Тот самый ремень, который бил князя в подвале, теперь должен был стать его жезлом. — Сегодня, — голос Ростислава окреп, наливаясь той самой сухой, самодержавной силой, которую в него вбивали неделями, — революция в

России заканчивается. Сегодня начинается кара.

Он взял ремень Филатова левой рукой, а правой принял маузер.

— Мороз, приказ номер один. Переход границы в три часа ночи. Направление — Выборг. Пленных не брать. Те, кто нацепил красные банты, должны забыть, как дышать.

Строй ответил глухим, утробным рыком: «Ура!». Это не был парадный крик, это был звук лавины, которая начала свое движение.

Беатрикс сделала шаг вперед. Она медленно положила руку на живот, глядя прямо в глаза седым капитанам. Она не сказала ни слова, но офицеры замерли. В этой тишине они увидели всё: и штандарт на груди князя, и наследника под сердцем принцессы, и искалеченного левшу, который стоял за их спинами как ангел смерти.

Филатов подошел к Ростиславу вплотную.

— Ты готов, Князь? — прошептал он. — Обратного пути в подвал нет. Там, за лесом, тебя ждет либо трон, либо расстрельная стена.

Ростислав посмотрел на свой разорванный мундир, потом на Филатова. В его глазах больше не было страха — только холодная, расчетливая ярость.

— Я готов, Федя. Дай мне карту. Мы идем домой.

Филатов оскалился, и на его бледном лице впервые проступило нечто, похожее на отцовскую гордость. Его левая рука легла на плечо Ростислава, сжимая его до хруста.

— Тогда по коням, Ваше Величество. Рюрик ждет своего рождения в столице. глава 3 (воскрешение и единство)

В кабинете поместья Линна пахло остывшим кофе и оружейным маслом — Филатов только что закончил чистку своего карабина. Единственная свеча догорала, её пламя металось от сквозняка, бросая на стену две тени: одну тонкую, ломаную — Ростислава, и вторую, массивную, неподвижную —

Филатова.

На дубовом столе лежал «Список». Сорок имен. Сорок смертных приговоров. — Номер четырнадцать, — голос Филатова прозвучал сухо, как хруст сухих веток под сапогом. Его левая рука лежала на плече князя, и пальцы впивались в ключицу так, что Ростислав невольно выпрямлял спину. — Полковник Власов. Твой крестный, Ростислав. Тот, кто подарил тебе первую саблю и учил держаться в седле.

Ростислав замер. Перо задрожало в его пальцах, оставив на пергаменте жирную, уродливую кляксу.

— Федя... он не мог. Он был лучшим другом отца. Он плакал на моих именинах. Это ошибка Мороза. Разведка ошиблась

Филатов медленно наклонился. Его дыхание, пахнущее хвоей и горьким табаком, коснулось уха князя. Он не ударил. Он просто чуть сильнее сжал плечо, заставляя Ростислава смотреть на бумагу, где чернила впивались в волокна, как яд.

— Ошибки делают в бухгалтерии, Князь. В предательстве ошибок не бывает, —

Филатов медленно убрал руку и обошел стол, садясь напротив Ростислава. Его лицо в полумраке казалось маской из серого камня. — Власов сдал координаты штаба твоего отца за тридцать серебряников и чин в европейской Коалиции. Твой «любимый дядя» сейчас пьет шампанское в Брюсселе, пока твой отец гниет в безымянной воронке под Питером.

Ростислав зажмурился, пытаясь изгнать образ доброго полковника.

— Я не могу его вписать... рука не поднимается.

Филатов медленно достал свой ремень левой рукой. Он не замахнулся. Он просто положил его на стол — аккуратно, как хирургический инструмент.

— Слушай меня внимательно, — голос Филатова стал тихим, почти вкрадчивым. — Ты думаешь, я заставляю тебя писать эти имена, потому что я монстр? Нет. Я делаю это, чтобы монстром не стал твой сын. Рюрик придет в этот мир, и если Власов будет жив, он придет к нему с той же улыбкой. И он вонзит ему нож в спину так же легко, как вонзил твоему отцу.

Филатов подался вперед, его единственный зрячий глаз впился в зрачки

Ростислава.

— Я выжигаю твою жалость сейчас, чтобы твоему сыну не пришлось умирать завтра. Пиши. Не ради мести. Ради того, чтобы Рюрику не пришлось прятаться под столом, когда его крестный входит во дворец.

Ростислав посмотрел на ремень, потом на тяжелую левую руку Филатова. Он увидел в глазах кадета не жажду крови, а страшную, выжигающую преданность. Филатов брал на себя грех убийства памяти, чтобы Ростислав мог спасти будущее.

— В... Л... А... С... О... В... — скрипнуло перо. Бумага под ним надрывно захрустела.

— Хорошо, — Филатов медленно забрал ремень. — Теперь номер пятнадцать. Твой личный секретарь. Тот, кто помогал тебе писать письма в Гаагу.

В этот момент дверь тихо открылась. Беатрикс вошла в комнату, кутаясь в шаль. Она увидела список, увидела стальное лицо Филатова и измученного мужа. Она подошла к Филатову и молча положила руку на его раненое правое плечо. Федор вздрогнул от неожиданной мягкости, но не отстранился. — Он прав, Ростислав, — сказала принцесса, глядя на список. — В моем животе сейчас бьется сердце, которое не простит нам слабости. Федор делает грязную работу, чтобы мы остались чистыми. Дай ему закончить. Филатов коротко кивнул ей — это был салют двух защитников, объединившихся ради одной колыбели.

— Список должен быть готов к рассвету, — отрезал левша. — Мороз уходит «за ленточку» через два часа. Первые три имени должны исчезнуть из этого мира до того, как мы пересечем границу

Тишина в поместье Линна после ухода Филатова на ночную разведку с Морозом казалась Ростиславу осязаемой, как слой пыли на старой мебели. Он не мог спать — список пятидесяти двух имен жег грудь. Князь зашел в каморку Федора, надеясь найти карту, но наткнулся на нечто иное. На железной койке, среди пропитанных спиртом бинтов, лежал обтянутый грубой кожей дневник. Его края были обуглены, а обложка залита бурыми пятнами. Рядом, аккуратно сложенный, покоился узкий стяг — родовой штандарт Филатовых. Черно-сине-белое полотнище, тяжелое, пахнущее гарью веков. В левом верхнем углу, в желтом квадрате, красовался Трехглавый Орел-Самодержавец. Птица, чьи головы смотрели в три бездны времен, сжимала в когтях не скипетр, а обнаженный меч и тот самый ремень. Ростислав дрожащими руками открыл страницу. Почерк Филатова, выведенный левой рукой, был острым, рваным, как колючая проволока.

: «14 марта. Сегодня я снова ударил его. Ростислав смотрел на меня с ненавистью, и я благодарил небо за это. Если я стану ему другом, он сдохнет в первой же канаве. Филатовы не бывают друзьями царям. Мы — их совесть, их щит и их проклятие. Мне безумно больно каждый день ломать его, но это мой долг. Я спасаю Императора, убивая в нем человека». Ростислав перелистнул страницу. Бумага была влажной от чего-то, что не было водой.

«22 апреля. Плечо гниет. Боль в руке — ничто по сравнению с криком, который я сдерживаю, когда вижу его слезы. Мой род веками делал эту грязную работу. Мы — псы у подножия трона. Пусть Рюрик никогда не узнает, какой ценой его отец научился не моргать перед смертью».

Князь захлопнул дневник. Его затрясло. Он понял: за его спиной стоит не садист, а смертник, добровольно взошедший на костер одиночества. Ростислав быстро убрал тетрадь под подушку Филатова и выскочил из комнаты за секунду до того, как в коридоре раздались тяжелые шаги.

Филатов вошел, пошатываясь. Его лицо было серым, правое плечо неестественно вздулось, пропитав куртку гноем и сукровицей. Он рухнул на табурет, не заметив, что вещи на столе сдвинуты — ему было не до этого.

Жар застилал глаза.

— Федя... — Ростислав шагнул из тени. — Садись. Я сам.

Филатов хотел огрызнуться, потянулся левой рукой к карабину, но силы оставили его. Он лишь глухо зарычал, когда Ростислав разрезал его одежду.

Запах гнили ударил в нос.

В этот раз Ростислав не отвернулся. Он взял скальпель из аптечки, облил его спиртом и, вспоминая записи в дневнике, твердо вогнал сталь в воспаленную плоть. Филатов выгнулся дугой, его левая ладонь до хруста сжала край стола, но он молчал.

Ростислав чистил рану, вымывал осколки кости и грязь, чувствуя, как под его пальцами пульсирует жизнь человека, который отдал за него душу. Когда последний шов был наложен,

Ростислав накрыл плечо чистой повязкой. Филатов тяжело дышал, привалившись к стене. Его взгляд был затуманен болью, он не видел дневника под подушкой. Он лишь мельком взглянул на свои руки, потом на Ростислава.

— Ты... не дрожал, — прохрипел левша. — Хорошо. Завтра выступаем. Ростислав кивнул, пряча в глубине глаз знание о Трехглавом Орле и той боли, которую Федор прятал в своих записях. Кузнец и его клинок теперь были связаны не только ремнем, но и общей тайной

Рассвет над Финским заливом был цвета сырого железа. Филатов стоял у окна, глядя на туман, скрывающий границу. Впервые за долгое время его правое плечо не горело адским пламенем, а правая ладонь не висела мертвым грузом. Работа Ростислава со скальпелем в части 27 сотворила чудо — или, скорее, организм кадета, привыкший к запредельным нагрузкам, выпитал исцеление как сухая земля воду.

Федор медленно, с хрустом, поднял правую руку. Мышцы отозвались тянущей болью, но пальцы слушались. Он сжал кулак. Разжал.

— Ты спас мне руку, Князь, — прохрипел Филатов, не оборачиваясь. — Теперь у тебя на одну причину меньше, чтобы промахиваться.

Ростислав стоял в тени дверного проема. Он смотрел на спину Филатова, зная то, что скрыто под его подушкой в дневнике. Он видел не просто наставника, а человека, который каждую секунду своей жизни приносит в жертву. Знание о Трехглавом Орле рода Филатовых сделало Ростислава старше на целую жизнь.

— Я не спасал руку, Федя, — тихо ответил Ростислав, поправляя маузер на поясе. — Я чинил свой щит. Ты сам учил: сломанный инструмент — это смерть.

Филатов резко обернулся. В его взгляде промелькнуло удивление — тон князя стал сухим, лишенным прежней подобострастности. Кадет подошел к кровати, одним движением заправил одеяло (дневник надежно спрятался в складках,

Ростислав лишь на секунду задержал дыхание) и подхватил свой карабин.

— Раз так, — Филатов хищно оскалился, — проверим твой «щит» в деле. Мороз дал сигнал. Патрули революции на той стороне сменились. У нас есть сорок минут тишины.

Они вышли на крыльцо. Там, в предрассветных сумерках, замер отряд «Тени». Тридцать офицеров, чьи лица были скрыты масками, а на рукавах — черные повязки. Из леса вышел Капитан Мороз. Он подошел к Филатову и протянул ему нечто, завернутое в черную кожу.

— Твое, Федор, — коротко бросил Капитан.

Филатов развернул сверток. Это была перевязь с гербом его рода — тем самым Черно-сине-белым штандартом с Трехглавым Орлом. Филатов надел её поверх куртки. Теперь он официально был не просто кадетом, а Регентом

Тени

Беатрикс вышла на балкон второго этажа. Она была в тяжелой шубе, её рука по-прежнему покоилась на животе. Она смотрела вниз на мужа и на человека, которого теперь считала хранителем своего сына.

— Ростислав! — крикнула она. — Принеси мне землю нашего дома.

Князь поднял голову, козырнул ей, как учили в корпусе, и первым зашагал к лесу. Филатов шел след в след, его карабин теперь был в правой руке, а левая — свободная, страшная — лежала на рукояти ножа.

Они подошли к пограничному ручью. Вода была черной и холодной. Филатов остановился, прислушиваясь к лесу. Его слух, обостренный годами тренировок, уловил далекий скрип снега. Патруль. Трое. Вооружены старыми

«трехлинейками».

— Твоя очередь, Князь, — прошептал Филатов, отступая в тень ели. — Трое на мосту. Прямо по курсу. Сделай так, чтобы они не успели крикнуть

«Свобода». Используй то, чему я тебя учил в подвале.

Ростислав медленно достал маузер. Он вспомнил слова из дневника: «Я убиваю в нем человека, чтобы он стал спасением для Рюрика». Он больше не колебался.

Лес у пограничного ручья замер, скованный предрассветным оцепенением. Ростислав уже стоял у кромки воды, проверяя предохранитель маузера, когда заметил, что Филатова нет рядом. Кадет задержался в доме.

Федор вернулся в свою каморку на одну единственную минуту. Ему не нужны были лишние глаза. Он плотно притворил дверь, подошёл к железной койке и резким движением выхватил из-под подушки свой дневник. Он не заметил, что тетрадь лежала чуть иначе — жажда боя и холодный расчет вытеснили подозрительность.

Филатов опустил на одно колено прямо на холодный пол. Его правая рука, теперь полностью послушная и сильная, легла на обложку дневника, а левая — привычно сжала рукоять ножа. Он склонил голову, и его шепот, сухой и надтреснутый, заполнил тесное пространство:

— «Встань, Орел-Самодержавец, над пеплом моим и кровом. Освяти сталь мою гневом, а сердце — свинцом суровым. Мы — псы у подножия трона, мы — тень, что хранит венец. Дай нам победу без стога, дай нам достойный конец». Это был Гимн Филатовых, слова которого веками передавались от отца к сыну в их роду «псов государевых». Федор закрыл глаза, чувствуя, как древняя ярость предков вливается в его жилы.

— «Господи, не за себя прошу. За Рюрика. За Империю. Прости мне бесчинства мои в бою грядущем, ибо рука моя — Твой карающий меч. Да не дрогнет она, пока не падет последний предатель».

Он резко поднялся, спрятал дневник в ранец и вышел на крыльцо. Теперь это был не просто кадет. Это был Филатов, Регент Тени, чей черно-сине-белый

штандарт на плече казался крылом самой смерти

Через десять минут он уже стоял за спиной Ростислава у ручья.

— Готов? — Филатов прищурился, глядя на троих пограничников революции на мосту. Те курили, лениво переговариваясь и не подозревая, что их жизни уже взвешены на весах Филатовых.

— Готов, — отрезал Ростислав. В его голосе не было и капли сомнения. Он слышал молитву Федора через стену (или ему так казалось), и эти слова про

«бесчинства во славу Рюрика» теперь жгли его изнутри.

— Тогда иди. Я прикрою справа. Бей в первого, второй мой, третьего возьми ножом. Не трать патроны на того, кто уже падает.

Ростислав скользнул вперед, как тень. Снег под его сапогами не издал ни звука — уроки в подвале Линны не прошли даром. Он вышел из-за кустов в десяти метрах от моста.

Первый пограничник — молодой парень в засаленной шапке с красным бантом — поднял голову, почуввав неладное. Но было поздно.

Маузер Ростислава кашлянул дважды. Пули вошли точно в грудь, опрокинув часового навзничь.

Второй вскинул винтовку, но в ту же секунду из темноты вылетела левая рука Филатова. Нож кадета, брошенный с ювелирной точностью, вошел наемнику прямо в глазницу. Тело обмякло, сползая по перилам в ледяную воду.

Третий, обезумев от страха, попытался закричать и вскинуть сигнальную ракету, но Ростислав уже был рядом. Он не стал стрелять. Он вспомнил движение ремня Филатова. Сбив врага с ног ударом приклада, он навалился сверху и вогнал финку под подбородок — туда, где мягко, туда, где заканчивается жизнь и начинается вечность.

Тишина снова сомкнулась над ручьем. Только пар шел от остывающих тел. Филатов подошел к Ростиславу, который стоял над убитым, тяжело дыша. На лице князя были брызги крови. Федор медленно протянул свою правую руку и вытер это пятно, глядя Ростиславу прямо в глаза.

— С возвращением домой, Ваше Величество, — прохрипел он. — Первая кровь на родной земле — самая сладкая. Идем дальше. Нас ждет Выборг Выборг задыхался в гари. На при вокзальной площади, в свете чадающих костров из архивных дел, революционная чернь вершила свой суд. Ростислав и Филатов вышли из тени пакгаузов, двигаясь к центру — туда, где у стены вокзала стояли на коленях последние верные офицеры города.

— Иди прямо, — прошептал Филатов. — Не смотри под ноги. Смотри в них. Они шли вдвоем против сотни. На Ростиславе был распахнутый мундир, обнажающий обгоревший императорский штандарт — символ, который должен был ударить по глазам толпы сильнее пули. Филатов шел на полшага позади, его левая рука привычно лежала на рукояти ножа, а полностью исцеленная правая сжимала карабин. На его плече развевался черно-сине-белый стяг рода Филатовых с Трехглавым Орлом — знаком тех, кто веками легитимизировал власть Романовых кровью.

— Стоять! — взревел вожак мятежников, здоровенный матрос с красным бантом на груди. — Кто такие?! Сюда нельзя, здесь власть народа!

Толпа заулюлюкала, вскидывая винтовки. Десятки стволов уставились в грудь Ростиславу.

— Я — Ростислав Романов, — голос князя прозвенел над площадью, как удар колокола. — А это, — он указал на Филатова, — мой Регент и законный исполнитель моей воли. Мы пришли за своим городом. — Закон кончился! — выкрикнул матрос и нажал на спуск.

Мир взорвался. Филатов среагировал раньше, чем палец врага коснулся металла. Он не просто закрыл собой Ростислава — он пошел на прорыв. Правая рука вскинула карабин, всадив пулю матросу точно в лоб, а левая уже выхватила гранату.

— В рассыпную! — заорал кто-то из толпы, но было поздно. На них бросились со всех сторон. Филатов действовал с пугающей, выверенной легитимностью палача. Он не просто убивал — он выжигал заразу. Работая в тесном контакте с Ростиславом, он крушил черепа прикладом правой руки и вскрывал артерии ножом в левой. Каждый его выпад был освящен той молитвой, что он читал в каморке.

Ростислав, прикрываемый стальным щитом своего наставника, вскинул маузер. Он видел, как Филатов, несмотря на численное превосходство врага, контролирует каждый квадратный метр площади. Это не была хаотичная драка

— это была показательная экзекуция.

— Смотри, Князь! — Филатов левой рукой перехватил штык, летевший в живот

Ростиславу, дернул нападавшего на себя и впечатал колено ему в лицо. — Видишь? Они боятся не пуль! Они боятся того, что мы имеем право их убивать!

Когда пыль улеглась, в центре площади среди тел остался стоять только один враг — комиссар в кожанке, забившийся под вагон. Филатов подошел к нему, схватил за горло правой рукой и приподнял над землей.

Ты видел штандарт? — прошипел Федор, указывая на Трехглавого Орла на своем плече. — Ты видел Императора? Теперь ты увидишь ад.

Он швырнул комиссара к ногам Ростислава. Князь, чей мундир теперь был забрызган не только грязью, но и свежей кровью бунтовщиков, посмотрел на толпу, замершую в ужасе.

— Выборг под моей рукой, — Ростислав поднял маузер. — Филатов, водрузи знамя.

Кадет подошел к главному флагштоку вокзала.левой рукой он сорвал красное полотнище и швырнул его в огонь костра, а правой закрепил черно-синевелый флаг своего рода. Три головы Орла-Самодержавца застыли в холодном небе, официально закрепив возвращение великих Романовых на родную землю Выборгский вокзал гудел, как потревоженный склеп. Пар от паровозов смешивался с морозным туманом, создавая белую пелену, в которой метались тени солдат. Ростислав стоял на перроне, кутаясь в шинель. Он смотрел на карту, расте-

ленную прямо на обледенелом ящике из-под снарядов. Мир вокруг распадался. Революция, как лесной пожар, полыхала не только в

России — доклады разведки приносили вести о мятежах в Киеве, Минске, на Кавказе и в Средней Азии. Коммунисты захватывали телеграфы, старое правительство в панике баррикадировалось в министерствах, а народ, одурманенный лозунгами, крушил всё, что строилось веками.

— Мы в меньшинстве, Князь, — голос Филатова прозвучал над самым ухом. Федор стоял рядом, его левая рука покоилась на рукояти маузера, а правая, полностью восстановившая силу, сжимала эфес тяжелой кавалерийской шашки.

На его плече гордо реял черно-сине-белый штандарт с Трёхглавым Орлом.

Филатов не смотрел на карту — он смотрел на людей.

— В Петрограде нас ждут виселицы, — продолжал Филатов. — Идти туда сейчас — значит подарить врагу твою голову на блюде. Нам нужно время. Нам нужен плацдарм.

Ростислав поднял глаза.

— Ты предлагаешь отступить? После того, как мы только что взяли первый город?

— Я предлагаю собраться, — Филатов ткнул пальцем в сторону границы. — Финляндия — наша единственная крепость. Пока в России и союзных землях идет резня всех против всех, мы превратим поместье Линна в магнит. Сюда стекутся все, кто не хочет жить под красной тряпкой. Офицеры, казаки, монархисты, верное старое дворянство. Мы создадим кулак, который ударит один раз, но наповал.

В этот момент к ним подошел Капитан Мороз. Он вел за собой человека в штатском, чье лицо было серым от усталости.

— Из Петрограда, Ваше Высочество. Прорвался через заслоны. Говорит, монархические ячейки в столице ушли в глубокое подполье. Они ждут сигнала, но у них нет единого лидера.

Ростислав посмотрел на Филатова. Тот едва заметно кивнул, и его пальцы левой руки привычно коснулись ремня на поясе.

— Приказ по «Тени», — отчеканил Ростислав. — Начинаем эвакуацию верных кадров в Финляндию. Выборг оставить как передовой пост, но основные силы отвести за черту. Мы будем копить ярость, пока они делят власть в своих комитетах.

Филатов оскалился. Он подошел к паровозу, на тендере которого красовалась намалеванная красная звезда, и одним ударом тяжелого молота, зажатого в правой руке, раздробил чугунный символ.

— Мы вернемся сюда, Князь. Но вернемся на бронепоезде, который назовем «Рюриком». И тогда каждый метр этой земли будет пропитан кровью тех, кто сегодня считает нас побежденными.

Они начали отход. Это не было бегством — это был маневр хищника, который уходит в тень, чтобы подготовить смертельный прыжок. Впереди были десятки часов долгого ожидания, тренировок в лесах и тайных встреч, пока вся огромная империя погружалась во тьму революции.

Поместье Линна перестало быть тихим прибежищем беглецов. Теперь оно напоминало растревоженный муравейник из стали и гранита. Со всех концов распадающейся огромной страны — из пылающего Киева, из захлебнувшегося в митингах Минска, из кавказских ущелий и среднеазиатских песков — сюда потянулись те, кто не предал.

Монархисты, чудом избежавшие расстрельных ям, старые генералы в партикулярных платьях и молодые юнкера с лихорадочным блеском в глазах заполняли залы поместья. Они везли с собой остатки полковых знамен и надежду, которая пахла порохом.

Ростислав стоял на балконе второго этажа, глядя на этот палаточный лагерь, выросший в сосновом бору. Он чувствовал, как сила, которую в него вбивал Филатов, начинает резонировать с этой толпой.

— Смотри на них, Князь, — прохрипел Филатов, возникнув за его спиной. —

Это твои кости. Твоё мясо. Скоро мы нарастим на них шкуру и клыки. Федор выглядел собранным и пугающе спокойным. Его правая рука, теперь полностью зажившая, лежала на перилах, а левая привычно поглаживала рукоять нагайки. На его груди, поверх черного френча, красовался родовой знак Орла-Самодержавца. Филатов лично проверял каждого прибывшего, отсеивая провокаторов и шпионов «комитетов» своим звериным чутьем. — Они ждут слова, Федя, — тихо сказал Ростислав. — Им мало просто сидеть в лесу.

— Слово будет, — Филатов обернулся к дверям, ведущим в покои. — Но сначала им нужно дать веру. Не в бумажную корону, а в вечность. В этот момент на балкон вышла Беатрикс. Она была в длинном платье из тяжелой шерсти, на плечах — меховая накидка. Она шла медленно, и в каждом её движении сквозила новая, торжественная осторожность. Она подошла к

Ростиславу и молча взяла его за руку.

Ростислав посмотрел на неё и замер. В её глазах, обычно холодных и расчетливых, теперь светилось нечто такое, что заставило его сердце пропустить удар. Она медленно приложила его ладонь к своему животу. Там, под слоями ткани, он почувствовал едва заметный, но отчетливый толчок. Ритмичный. Упрямый. Живой.

— Рюрик... — прошептал Ростислав, и его голос сорвался.

Филатов подошел ближе. Его лицо, обычно каменное и безжалостное, на мгновение дрогнуло. Он опустился на одно колено прямо на холодный камень балкона, склонив голову перед Беатрикс. Его левая рука коснулась края её платья.

— Слышите?! — Филатов вдруг выпрямился и закричал вниз, к лагерю монархистов. — Слышите, вы, псы государевы?! У Империи есть наследник! У

России есть будущее!

Толпа внизу мгновенно смолкла. Сотни голов задрались вверх. В наступившей тишине был слышен только шум сосен.

— Под сердцем принцессы бьется сердце Рюрика! — ревел Филатов, и его голос, усиленный эхом скал, казался громом. — Мы пойдем в Петроград не за прошлым! Мы пойдем туда за ним! За сыном Императора!

Внизу началось нечто невообразимое. Офицеры срывали папахи, юнкера обнимались, плача навзрыд. Мороз первым выхватил шашку, салютуя балкону. — За Рюрика! За Государя! — пронеслось над заливом, заглушая шум волн. Беатрикс смотрела на эту человеческую лавину и вдруг поняла то, о чем писал Филатов в своем дневнике. Этот израненный левша не был монстром. Он был садовником, который удобрял почву кровью, чтобы этот росток в её животе смог однажды стать великим кедром.

Филатов поднялся и посмотрел на Ростислава.

— Теперь ты понял, Князь? Теперь ты не имеешь права даже на простуду. Ты — оболочка для этого ребенка. И я выжму из тебя всё, чтобы он родился в

Зимнем дворце, а не в этой хижине.

Он достал свой ремень левой рукой и протянул его Ростиславу бляхой вперед.

— С этого дня тренировки будут вдвое жестче. Теперь ты качаешь мышцы не для себя, а для защиты его колыбели.

Ростислав принял ремень. Его взгляд стал твердым, как алмаз. Сбор сил в Финляндии официально перестал быть миграцией — он стал священным походом. Поместье Линна окончательно превратилось в кипящий котел. Весть о том, что под сердцем Беатрикс бьется жизнь нового Рюрика, подействовала на разрозненные отряды монархистов как удар электрического тока. Вчерашние беженцы превратились в крестоносцев.

Но за общим восторгом скрывалась опасная гниль: каждый прибывший атаман, князь или гетман считал, что именно его полк — главный, а его советы — единственно верные. В главном зале, под закопченными сводами, начался

Большой Совет.

Ростислав сидел во главе стола. На нем был простой черный френч, а на груди, поверх ткани, он открыто носил знак Орла-Самодержавца — подарок Филатова. Филатов замер за его правым плечом, как живое изваяние из камня и шрамов. Его левая рука лежала на спинке стула князя, а пальцы методично выбивали дробь по дереву.

— Мы, донцы, не пойдем под команду сибиряков! — гремел седой атаман в лохматой папахе. — У нас своя правда и свой путь на Москву!

— А Украина? — вскричал гетманский полковник. — Мы признаем Государя, но требуем автономии и своих судов!

Шум нарастал. Десятки амбиций сталкивались, искря и угрожая развалить союз еще до первого выстрела. Ростислав посмотрел на Филатова. Тот едва заметно кивнул и медленно, с металлическим скрежетом, вытащил из-за пояса свой ремень.

Бам!

Филатов наотмашь ударил ремнем по дубовому столу. Звук был такой силы, что хрустальные подвески на люстре жалобно звякнули, а в зале мгновенно воцарилась гробовая тишина.

— Слушайте сюда, господа «спасители», — голос Филатова был тихим, но пробирал до костей. — Здесь нет донцов, нет украинцев и нет сибиряков. Здесь есть только псы Империи и предатели. Те, кто хочет автономии — идите к коммунистам, они вам ее обещают на каждом столбе.

Он перехватил ремень правой рукой, демонстрируя ее полную силу, и обвел присутствующих тяжелым взглядом.

— Государь Ростислав — единственный источник власти. Я — его карающая рука. Кто не согласен — дверь там. Но учтите: Мороз стоит снаружи, и у него приказ вешать каждого, кто выйдет из этого зала без присяги Рюрику. Ростислав медленно поднялся. Он чувствовал, как в нем закипает та самая холодная ярость, которую Филатов взращивал в нем неделями.

— Мой сын родится в стране, где нет границ между своими, — отчеканил Ростислав. — Вы привезли сюда свои полки? Хорошо. С этой минуты вы —

Первый Корпус Теней. Командовать будет Капитан Мороз. Кто пикнет про «свои суды» — пойдет под мой личный суд.

Беатрикс стояла в дверях, наблюдая за этой сценой. Она видела, как Филатов довольно прищурился. Его ученик не просто говорил — он доминировал.

— Присягайте, — бросил Филатов, бросая на стол тяжелое Евангелие и свой черно-синий штандарт. — Или уходите в небытие прямо сейчас. Один за другим, суровые мужчины в шинелях и черкесках подходили к столу. Они целовали крест и знамя Филатовых, понимая, что в этой «дуалистической монархии» шутить не принято. Линна стала единым кулаком.

Зал опустел, оставив после себя запах крепкого табака и тяжелое эхо присяги. Ростислав обессиленно опустился в кресло, чувствуя, как под френчем взмок штандарт. Кольцо врагов сжималось: в России коммунисты добивали остатки старого порядка, а в Европе политики уже делили шкуру еще живого медведя.

Филатов подошел к столу и одним резким движением правой руки смахнул пустые стаканы. На дубовую поверхность легла огромная, склеенная из десятка фрагментов карта железных дорог.

— Присяга — это воздух, Князь, — прохрипел Федор. — Нам нужен металл.

Смотри сюда.

Его левая рука уверенно легла на Выборг, а затем прочертила линию к Петрограду.

— В Финляндии сейчас сидит цвет офицерства. Но они — как порох без искры. Если мы промедлим еще месяц, они перегрызутся за чины или спирт. Нам нужен бронепоезд.

Ростислав поднял глаза.

— Ты снова о нем? «Рюрик»?

— Именно. На станции Рийхимяки стоит бронированный состав, который финны конфисковали у красных. Пять вагонов стали, две пушки и четыре пулемета. Это не просто поезд, это твой передвижной трон. Если мы его захватим или выкупим — у нас будет ключ к воротам столицы.

Филатов наклонился ниже, и его взгляд стал острым, как бритва. — Но есть проблема. Барон фон Гейер наложил на него арест. Он хочет, чтобы мы зависели от голландских поставок.

В этот момент в кабинет вошла Беатрикс. Она несла поднос с черным чаем, но её взгляд был прикован к карте. Она подошла к Филатову и, вопреки всякому этикету, положила свою ладонь на его раненое левое плечо. — Барон — трус, — тихо сказала она. — Он боится, что если у вас будет свой бронепоезд, вы перестанете спрашивать разрешения у Гааги.

Она перевела взгляд на мужа.

— Ростислав, я могу достать коды доступа к составам через своих шифровальщиков. Но Филатову придется действовать быстро. Если финская полиция узнает — нас объявят мятежниками.

Филатов оскалился, и в этом оскале было столько хищной радости, что

Ростиславу стало не по себе.

— Мятежники? Мы — закон! — Федор выхватил свой ремень и с силой затянул его на пояс. — Князь, сегодня ночью ты не будешь спать. Мы едем на станцию. Ты лично отдашь приказ машинистам. Они должны видеть своего царя в мазуте и с наганом, а не в шелках.

Ростислав встал. Он чувствовал, как внутри него растет та самая «сталь», о которой мечтал Филатов.

— Готовь «Тень», Федя. Если Барон встанет на пути — отодвинь его.

Беатрикс посмотрела на них двоих и в глубине души почувствовала гордость.

Её будущий сын, Рюрик, будет рожден в грохоте стальных колес, а не в тишине кабинетов.

— Идите, — сказала она. — Я прикрою вас перед посольством.

Кабинет в Линне не отапливали уже третьи сутки. Холод проник в гранитные стены, выел тепло из щелей между бревнами и поселился в углах тяжелым, сырым дыханием. Но Ростислав не замечал стужи. Он сидел, подавшись вперед, локтями вдавившись в дубовую столешницу, и смотрел на карту. Она была старой, еще царской — с выцветшими гербами губерний и карандашными пометками, сделанными рукой его отца. Поверх них, ярким, почти кровавым красным, Филатов прочертил новые линии. Они уходили от Выборга на юговосток, к Петрограду, но упирались в жирный крест. Рийхимяки. Бронепоезд.

Филатов стоял напротив. Он не садился — с того дня, как Ростислав вырезал гниль из его плеча, кадет словно заново учился держать равновесие. Правая рука, еще недавно висевшая плетью, теперь уверенно лежала на столе, прикрывая собой карту. Левая, по-прежнему главная, покоилась на поясе — пальцы едва касались кожаной пряжки ремня. Того самого ремня, который научил Ростислава не моргать.

Свеча догорала. Воск стекал по серебряному подсвечнику, застывая белыми каплями, и в их дрожащем свете тени на стенах начинали свой бесконечный танец. Ростиславу казалось, что он видит среди них двуглавых орлов, распятия и оскаленные пасти пушек — все то, что осталось от мира, который сгорел вместе с Зимним дворцом.

— Хейккинен, — наконец сказал Филатов.

Голос его прозвучал глухо, как удар лопаты о мерзлую землю. Он никогда не повышал тона, когда речь шла о деле. Крик был для подвала, для ремня, для того, чтобы выжечь из князя жалость. Здесь, перед картой, он говорил тихо, и от этого тихого голоса по спине Ростислава бежали мурашки.

— Лейтенант Юсси Хейккинен. Финский егерь. Служил в батальоне «Сису» в восемнадцатом. Воевал против красных финнов, против немцев, против всех, кто приходил на его землю с чужим флагом. Сейчас — начальник охраны станции Рийхимяки. Восемь человек. Старые «трехлинейки», один «Максим» на вышке. Ночная смена сменяется в два часа. Самый сонный час. Самый слепой.

Ростислав слушал, не поднимая головы. Он знал: за этими сухими цифрами стоит нечто большее. Филатов не рассказывал о врагах просто так. Он готовил почву, на которой должно было вырасти решение.

— Он не красный, — продолжал кадет. — И не наш. Он солдат. Солдат без царя, без родины, с одним только шнапсом и татуировкой на руке. Таких я знаю. Они не продаются. Но они выбирают, на чьей стороне стоять, когда чувствуют, что чаша весов начинает качаться.

Филатов выпрямился. Тень его на стене выросла, накрыла собой карту, и Ростислав на мгновение почувствовал себя тем мальчиком, которого этот человек вытащил из воронки под Питером. Но чувство прошло. Осталась только тяжесть штандарта на груди — обгоревший шелк прилип к коже, и золотой орел с тремя коронами пульсировал в такт сердцу.

— Завтра ночью ты пойдешь к нему, — сказал Филатов. — Один.

Ростислав медленно поднял глаза. В них не было удивления. Только вопрос, который он не смел задать вслух, потому что ответ знал заранее.

— Я буду за дверью, — продолжал Филатов. — Мороз со взводом — на путях, в двухстах метрах. Если Хейккинен скажет «да», ты выйдешь с ключами. Если скажет «нет» или поднимет тревогу — я войду.

Он замолчал, и в этой паузе родилась правда, которую оба знали, но которую никто не произносил вслух. Ростислав услышал ее в скрипе половиц, в завывании ветра за окном, в том, как потрескивает фитиль догорающей свечи.

— Если я войду, Князь, — тихо сказал Филатов, — ты навсегда останешься для этих людей мальчиком, которого носят на руках. А нам нужен царь. Нам нужен тот, кто войдет в Петроград на бронепоезде, а не тот, кого втащат туда за шиворот.

Ростислав выпрямился. Спина его, еще месяц назад гнувшаяся под тяжестью невыносимого груза, стала прямой, как штык. Филатов заметил это и едва заметно кивнул — жест, который дороже любых похвал.

— Что я должен ему сказать? — спросил князь.

— Правду. — Филатов отступил на шаг, давая Ростиславу пространство. — Скажи, кто ты. Скажи, зачем тебе поезд. Скажи, что будет, если он откажет. И скажи, что за дверью стоит человек, который уже зашил себя левой рукой и готов защитить любую рану этой земли.

Он достал из-за пояса ремень. Кожа хрустнула в тишине — сухой, жесткий звук, который Ростислав теперь узнавал даже во сне. Филатов протянул ремень ему, и князь взял его, чувствуя знакомую тяжесть. Кожа была пропитана потом, кровью и той нечеловеческой волей, которая держала их обоих на плаву.

— Возьми. Не как оружие. Как память, — сказал Филатов.

Ростислав намотал ремень на левую руку — так, как учили в подвале, когда каждый удар должен был войти в плоть, чтобы навсегда остаться в памяти. Кожа легла на запястье, и князь почувствовал, как холодная уверенность растекается по венам, вытесняя страх. Не убивая его — превращая в нечто иное.

— Я готов, — сказал он.

— Нет. — Филатов покачал головой. — Ты боишься. И это хорошо. Страх — это топливо, Князь. Страх заставляет кровь бежать быстрее. Страх заставляет пальцы крепче сжимать рукоять. Только трус не боится. А ты — не трус. Я знаю. Я видел, как ты убивал в туннеле. Я видел, как ты зашивал мою рану, не дрогнув. Ты готов. Просто иди.

Он подошел к окну, раздвинул тяжелые портьеры. За стеклом клубилась финская ночь — черная, беззвездная, с низкими тучами, которые несло с залива. Где-то там, за этой тьмой, лежала станция, бронепоезд, а дальше — Петроград, Москва, вся огромная, растерзанная, ждущая своего хозяина земля.

— Я буду считать до тысячи, — сказал Филатов, не оборачиваясь. — Тысяча ударов сердца, Ростислав. Если к тому времени ты не вернешься — я приду. Не за тобой. За твоим телом. Потому что живой ты должен выйти оттуда с ключами. Или не выходить вовсе.

Ростислав поднялся. Стул отъехал назад с глухим скрежетом, и звук этот показался ему похожим на выстрел. Он подошел к двери, но на пороге остановился. Рука его сжала ремень так, что побелели костяшки.

— Федя, — спросил он, не оборачиваясь. — А если я не смогу? Если войду туда и... не смогу?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый, как свинец. Филатов медленно обернулся. В его глазах, освещенных последним отблеском догорающей свечи, горело то, что Ростислав видел только однажды — в подвале, когда кадет зашивал себя левой рукой, не проронив ни звука. Это была не жестокость. Это была вера.

— Ты сможешь, — сказал Филатов. — Потому что у тебя нет выбора. Твой сын, Рюрик, родится через полгода. Он родится в мире, где кто-то должен править. Или мы, или те, кто сжег Зимний. Я сделал из тебя оружие, Князь. Теперь иди и докажи, что я не зря тратил на тебя ремень.

Ростислав кивнул, толкнул дверь и вышел в коридор.

Там его уже ждал капитан Мороз. Старый вояка стоял у стены, прислонившись плечом к граниту, и его седая голова была обнажена — он снял папаху, и это было знаком большего уважения, чем любой поклон. Увидев князя, Мороз выпрямился, достал из-за пояса маузер в деревянной кобуре и протянул его, держа обеими руками, как святыню.

— Это оружие вашего батюшки, Ваше Высочество, — тихо сказал он. — Я хранил его для этого часа. Благослови вас Господь.

Ростислав взял маузер. Металл был холодным, но рукоять хранила тепло рук, которые держали его до него — руки отца, руки Мороза, руки тех, кто верил, что империя не умерла, а только затаилась в лесах Финляндии, чтобы однажды вернуться. Он закрепил кобуру на поясе, рядом с ремнем Филатова, и направился к выходу.

В дверях он обернулся. В конце коридора, у самых покоев Беатрикс, стояла она сама. На ней была тяжелая шуба, накинутая поверх ночной рубашки, и в руке она сжимала свечу, чей огонь метался от сквозняка, отбрасывая на стены огромную, трепещущую тень. Лицо ее было бледным, почти прозрачным, но глаза смотрели ясно и твердо — в них не было страха. Только ожидание.

— Ростислав, — сказала она, и голос ее не дрогнул. — Принеси мне сталь. Для нашего сына.

Он не ответил. Только кивнул — коротко, по-военному — и шагнул в ночь.

Снег под его сапогами скрипел так громко, что казалось, этот звук разбудит всю Финляндию. Но Ростислав шел не прячась. Он шел открыто, с распахнутым френчем, под которым на груди чернел обгоревший императорский штандарт. Золотой орел, прожженный гарью Зимнего, ловил отблески далеких фонарей и казался живым — он смотрел вперед, туда, где в снежной мгле угадывались очертания станционных построек.

Ростислав шел и чувствовал, как внутри него что-то меняется. Страх, который сжимал горло в подвале Линны, который заставлял его руки дрожать над раной Филатова, который гнал его прочь от убитого наемника в туннеле — этот страх не исчез. Он превратился. Он стал холодной, звенящей пустотой, в которой рождалось нечто новое. Ростислав не знал, как это назвать. Филатов называл это волей.

Он вспомнил слова, которые кадет шептал в своей каморке, стоя на коленях перед штандартом: «Мы — псы у подножия трона, мы — тень, что хранит венец». Теперь Ростислав понял: тень не может стать светом. Но она может стать клинком.

Впереди, в сотне шагов, замаячили огни станции. Красные лампы у входа в казарму, черный силуэт водонапорной башни, длинные составы, застывшие на путях, и среди них — тяжелый, приземистый, обшитый стальными листами бронепоезд. Его орудийные башни были обращены на юг, к России, и Ростиславу показалось, что стальное чудовище ждет — ждет, когда придет хозяин и снимет его с мертвой точки, вдохнет в его паровые котлы огонь, а в орудия — смерть.

Ростислав остановился на границе света и тьмы. Он поднял голову, посмотрел на бронепоезд, на красные фонари казармы, на небо, в котором не было звезд. Левая рука его, обмотанная ремнем Филатова, сжалась в кулак. Правая легла на маузер отца.

— Рюрик, — прошептал он одними губами, и ветер унес его слова в темноту.
— Смотри. Сейчас твой отец пойдет и возьмет то, что принадлежит нам.

Он шагнул в свет.

Часовой у ворот увидел его не сразу — молодой парень в финской шинели, с «трехлинейкой» наперевес, клевал носом, прислонившись к косяку. Только когда тяжелые сапоги Ростислава заскрежетали по обледенелым ступеням, он встрепенулся, вскинул винтовку.

— Стой! Кто идет?

Ростислав не остановился. Он подошел вплотную, и часовой, ослепленный не столько светом фонаря, сколько этим лицом — прямым, бледным, с глазами, в которых горело пламя сгоревшего Зимнего, — попятился. Винтовка в его руках дрожала.

— Мне нужен лейтенант Хейккинен, — сказал Ростислав по-фински, и голос его прозвучал спокойно, как у человека, который не привык повторять дважды.

Часовой открыл рот, чтобы сказать что-то, но взгляд его упал на грудь незнакомца — на черный, обгоревший шелк, на золотого орла с тремя коронами. Он не знал, что это такое. Но что-то древнее, вьвшееся в кровь северного солдата за сотни лет соседства с огромной империей, заставило его опустить ствол.

— Вторая дверь налево, — прохрипел он.

Ростислав кивнул, толкнул дверь и вошел в казарму.

Там пахло дешевым табаком, сыростью и старыми дровами — запах солдатского жилья, знакомый Ростиславу еще по корпусу, куда его водил отец. В тесной комнате с низким потолком за столом сидел человек. На вид ему было под сорок, лицо изрыто оспой, руки покрыты татуировками — череп с надписью «Sisu» и дата «1918». Перед ним стояла початая бутылка шнапса и остывшая кружка кофе.

Лейтенант Юсси Хейккинен поднял глаза. Увидев перед собой черный френч, золотого орла и молодое лицо, в котором не было ни страха, ни мольбы, он не удивился. Он ждал. Он ждал эту ночь, может быть, не так, как ждал Ростислав, но он знал, что она придет.

— Я знаю, кто ты, — сказал он по-русски, и акцент его был тяжёл, как валун, вывороченный из финской земли. — Беглый царь. Тот, кого прячет в лесах кадет-левша. Мой командир говорил, что ты придешь за поездом.

Он не поднялся. Не протянул руки. Только отодвинул кружку с остывшим кофе, освобождая место на столе — жест старого солдата, который не ждет гостя, но и не гонит его.

Ростислав стоял на пороге, и свет керосиновой лампы падал ему на грудь, где под распахнутым френчем чернел обгоревший императорский штандарт. Он чувствовал, как тяжесть

этого шелка, прожженного гарью Зимнего, давит на ребра, напоминая о том, кем он стал и кем еще должен стать. Левая рука, обмотанная ремнем Филатова, сжималась и разжималась в такт сердцу.

За его спиной, в снежной мгле, стояла ночь. И в этой ночи человек с искалеченным плечом считал до тысячи.

Ростислав сделал шаг вперед и закрыл за собой дверь.

Ночь в Линне была холодной, как лезвие ножа, приставленное к горлу. Ростислав не спал. Он лежал на жесткой койке в своей комнате, уставившись в потолок, где трещины в штукатурке складывались в причудливые узоры — ему чудились в них оскаленные морды, двуглавые орлы и цифры. Сорок. Сорок имён, которые он должен был запомнить. Сорок приговоров, которые он должен был вынести.

За тонкой стеной тихо посапывала Беатрикс. Её дыхание было ровным, спокойным — она спала, укрывшись мехами, и во сне её лицо теряло ту холодную, расчётливую жёсткость, которую Ростислав видел на прессконференции в Хельсинки. Теперь она была просто девушкой, молодой и почти беззащитной, если не считать того, что в её животе росла новая надежда империи.

Ростислав осторожно поднялся, накинул френч и вышел в коридор. Босые ступни ступали по холодному полу бесшумно. Он знал, куда идёт — туда, где в кабинете горел единственный огонёк свечи, а на столе лежала раскрытая шкатулка с документами.

Филатов ждал его. Кадет сидел в кресле, откинувшись на спинку, и его лицо в полумраке казалось высеченным из серого камня. Левая рука покоилась на подлокотнике, пальцы чуть касались ремня, свёрнутого кольцом. Правая — теперь уже почти здоровая — лежала на столе, придерживая край пергамента.

— Не спится? — спросил Филатов, не открывая глаз.

— Ты знал, что я приду.

— Знал. — Федор открыл глаза. В них не было усталости — только та странная, лихорадочная ясность, которая появляется у людей, переставших считать часы. — Садись. Повторим.

Ростислав сел напротив. На столе лежал новый лист — чистая, нетронутая бумага. Рядом — чернильница и перо. Филатов пододвинул их к князю.

— Пиши. Первое имя.

Ростислав взял перо. Рука не дрожала — он уже научился этому в подвале. Чернила легли на бумагу ровной, твёрдой линией.

Слякотин Илья Петрович.

— Кто он? — спросил Филатов.

— Спикер парламента.

— Что он сделал?

Ростислав почувствовал, как внутри поднимается знакомая тяжесть. Он смотрел на написанное имя, и перед глазами вставало лицо старика с золотыми очками — то самое, которое он видел на трибуне, когда отец ещё был жив.

— Он подписал акт о роспуске армии. За три дня до штурма Зимнего.

— Почему?

— Говорил, что демократия не может стрелять в народ.

— Врёшь, — Филатов подался вперёд, и его голос стал жёстче. — Не то, что он говорил. То, что он сделал. Что он сделал, Князь?

Ростислав сжал перо так, что побелели костяшки.

— Он разоружил гвардию. Полки, которые могли защитить Зимний, остались без патронов. Когда красные пошли на штурм, солдатам нечем было стрелять.

— А твой отец? Что делал твой отец?

— Звонил ему. Просил помощи.

— И что ответил Слякотин?

— Сказал, что это вопрос политического урегулирования.

Филатов усмехнулся. Усмешка вышла кривой и страшной.

— Политического урегулирования. Пока твоего отца убивали в коридорах

Зимнего, этот старик пил коньяк в британском посольстве и обсуждал условия своей эмиграции. Он не просто предал — он продал. Продав армию, продал страну, продал твою семью.

Он выхватил из-за пазубы фотографию и бросил её на стол. Слякотин — в дорогом костюме, с бокалом в руке, улыбающийся. Рядом — британский дипломат, чьё лицо Ростислав узнал по сводкам разведки.

— Смотри на него, — приказал Филатов. — Смотри и запоминай. Эта улыбка стоила жизни твоему отцу. Этим бокалом он чокался, когда Зимний уже горел.

Ростислав смотрел. В груди под штандартом что-то закипало — не гнев, нет, нечто более древнее и страшное. Ярость, которую он сдерживал так долго, что она стала частью его, как вторая кожа.

— Теперь пиши дальше, — сказал Филатов. — Второе имя.

Крысолов Аркадий Борисович.

— Глава комитета по безопасности, — голос Ростислава стал твёрже. — Передал коды ПВО европейской коалиции.

— Зачем?

— Чтобы они могли бомбить наши позиции без потерь.

— Что он получил за это?

— Вид на жительство в Германии. И счёт в швейцарском банке.

— Хорошо, — Филатов кивнул. — Третье.

Пустозвонов Геннадий Саввич.

— Идеолог «вхождения в европейскую семью». Писал статьи о том, что Россия должна сдаться.

— Что он говорил?

— Что сопротивление бессмысленно. Что Европа принесёт свободу и процветание.

— А что он сделал, когда Европа пришла?

Ростислав поднял глаза. В них уже не было той мальчишеской растерянности, что была месяц назад.

— Он стал советником при оккупационной администрации. Помогал составлять списки тех, кого нужно арестовать.

— Кого арестовать?

— Верных отцу офицеров. Моих друзей. Моих родственников.

Филатов молчал, давая словам осесть. В комнате было тихо — только потрескивала свеча да где-то далеко завывал ветер.

— Теперь ты понимаешь, — наконец сказал он. — Эти люди не просто предали. Они убивали. Своими руками. Своими подписями. Своими словами. Твой отец верил, что с ними можно договориться. Что закон и парламент — это щит. Он ошибся.

Он встал, подошёл к окну, раздвинул портьеру. За стеклом, на плацу, догорали костры, и тени людей Мороза метались по снегу, как неприкаянные души.

— Сорок имён, Князь. Сорок убийц. Ты должен знать их всех. Не просто имена — их лица, их привычки, их слабые места. Потому что когда мы вернёмся, ты будешь не просто судить — ты будешь казнить. И ты не имеешь права ошибиться.

Ростислав поднялся. Спина его была прямой, как штык.

— Я не ошибусь.

— Посмотрим, — Филатов вернулся к столу, взял свечу и поднёс её к углу листа. — А теперь смотри. Это тоже часть урока.

Пламя лизнуло бумагу. Край пергамента почернел, скрутился, и огонь жадно пополз по строчкам, пожирая имена. Слякотин, Крысолов, Пустозвонов — все они исчезали в пламени, превращаясь в пепел.

— Они горят, — сказал Филатов. — Но не здесь. Здесь — только бумага. Настоящий огонь будет в твоей памяти. Ты выучил их?

— Выучил.

— Повтори.

Ростислав закрыл глаза. Имена всплывали из темноты одно за другим, как призраки.

— Слякотин Илья Петрович. Крысолов Аркадий Борисович. Пустозвонов Геннадий Саввич. Мягкокреслов Валентин Игоревич. Иудин Марк Захарович...

Он перечислял, и с каждым именем голос его становился твёрже. Филатов слушал, не перебивая. Когда Ростислав назвал тридцать седьмое имя, кадет поднял руку.

— Достаточно.

Ростислав открыл глаза. На столе лежала горка пепла, а в воздухе ещё пахло горелой бумагой.

— Завтра, — сказал Филатов, — мы начнём учить их лица. У Мороза есть фотографии. Ты будешь смотреть на них, пока не начнёшь видеть во сне. А послезавтра...

Он замолчал, глядя на князя. В его глазах было что-то новое — не одобрение, нет, Филатов никогда не одобрял открыто. Скорее, признание того, что ученик движется в правильном направлении.

— Послезавтра мы перейдём к следующему уроку. Список — это только начало. Настоящая школа начнётся, когда ты возьмёшь в руки не перо, а оружие.

Ростислав кивнул. Он чувствовал, как усталость наваливается на него свинцовой тяжестью, но знал: спать он не будет. Сорок имён горели в его памяти, и каждое требовало ответа.

— Иди, — сказал Филатов. — Завтра будет долгий день.

Ростислав направился к двери. На пороге он обернулся.

— Федя, — спросил он тихо. — А если бы ты был на месте моего отца... ты бы поверил Слякотину?

Филатов долго молчал. Когда он заговорил, голос его был глухим, как выстрел из-под земли.

— Я бы не стал ждать, пока он предаст. Я бы убил его раньше. Но твой отец был лучше меня. Он верил в людей. За это его и убили.

Он повернулся к окну, давая понять, что разговор окончен. Ростислав вышел в коридор, и холодный воздух ударил в лицо, прогоняя остатки сна.

В комнате Беатрикс всё так же спала, но теперь Ростислав не лёг. Он сел у окна, глядя на заснеженный лес, и повторял про себя имена. Сорок свечей. Сорок могил. Сорок приговоров, которые ждали своего часа.

Утро началось с того, что Мороз принёс чёрную папку. Кожаная, потёртая, с металлическими застёжками, она лежала на столе в кабинете как свидетельство, как улика, как надгробная плита над сорока жизнями. Ростислав сидел напротив, и пальцы его, ещё хранившие тепло ночной бессонницы, не спешили касаться этой папки.

— Открой, — сказал Филатов.

Он стоял у окна, прислонившись плечом к косяку. Его правая рука, зажившая, но всё ещё бережёная, была спрятана за борт френча. Левая покоилась на поясе, и большой палец методично поглаживал пряжку ремня — жест, который Ростислав теперь узнавал даже во сне. Это означало: сейчас начнётся главное.

Ростислав щёлкнул застёжками. Папка открылась с сухим, жёстким звуком, похожим на выстрел. Внутри, в прозрачных кармашках, лежали фотографии. Сорок лиц. Сорок улыбок. Сорок человек, которые когда-то клялись в верности его отцу.

Первая была Слякотин. Старик с седыми волосами, зачёсанными назад, в очках с золотой оправой. На шее — орденская лента, на лацкане — депутатский значок. Он улыбался в объектив, и улыбка его была мягкой, почти отеческой. Таким Ростислав помнил его с детства: дядя Илья, который приносил на именины коробки с шоколадом и рассказывал смешные истории о думских заседаниях.

— Смотри, — голос Филатова прозвучал над самым ухом. Кадет подошёл неслышно, и теперь его левая рука лежала на спинке стула Ростислава, пальцы чуть касались плеча князя. — Что ты видишь?

— Старика, — ответил Ростислав, и голос его был ровен. — Старика, который убил моего отца.

— Нет. Ты видишь лицо. Ты должен научиться видеть то, что под ним. Смотри на глаза.

Ростислав взгляделся. Глаза Слякотина за толстыми стёклами очков были светлыми, почти прозрачными. В них не было ни злобы, ни жестокости. В них было спокойствие человека, который всегда знает, что он прав.

— Он не считает себя предателем, — сказал Филатов, словно прочитав мысли князя. — Для него то, что он сделал, — это спасение России. Он искренне верит, что Европа принесёт мир и демократию. Он верит в это так же сильно, как ты веришь в штандарт на своей груди.

— И что с того? — Ростислав повернулся к Филатову. — Он всё равно убил.

— Именно, — кивнул кадет. — Вера не оправдывает кровь. Твой отец тоже верил — в закон, в парламент, в этих людей. И они убили его, улыбаясь и рассуждая о высших ценностях. Запомни это, Князь: самые опасные убийцы — не те, кто ненавидит. Те, кто верит, что спасает.

Филатов перевернул страницу. Второе лицо — Крысолов. Мужчина лет пятидесяти, с острым, птичьим профилем и цепкими глазами. На груди — значок комитета безопасности, на плечах — форма генерала.

— Этот не верил ни во что, — сказал Филатов. — Он просто продал коды ПВО. За деньги. За виллу в Баварии. Он даже не думал о России — он думал о своей пенсии.

Ростислав переворачивал страницу за страницей. Пустозвонов — с улыбкой интеллектуала, поправляющий очки. Мягкокреслов — дорогой костюм, сигара, взгляд человека, привыкшего к роскоши. Иудин — неприметное лицо, которое трудно запомнить, идеальная внешность шпиона.

Каждое лицо Ростислав рассматривал долго, вглядываясь в глаза, в морщины, в изгибы губ. Он пытался найти в них ту черту, которая отделяет человека от убийцы. Не находил.

— Их сорок, — сказал он, закрывая папку. — Но их гораздо больше. Те, кто стоял за ними. Те, кто давал приказы. Те, кто финансировал предательство.

— Верно, — Филатов сел напротив. — Это только начало. Список будет расти. Европейские банкиры, генералы коалиции, политики, которые делили нашу землю ещё до того, как она остыла. Ты должен быть готов к тому, что война не закончится, когда мы возьмём Петроград. Она только начнётся.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги и положил на стол.

— Это ещё один список. Те, кто стоит за нашими границами. Грайндхарт, Фрессер, Мальфуа, Изегрим... Ты должен знать их имена так же хорошо, как имена предателей внутри. Потому что они — те, кто развязал эту войну. И они не остановятся, пока Россия не будет уничтожена.

Ростислав взял лист. Имена были написаны рукой Филатова — острыми, рваными буквами, как будто он выцарапывал их ножом.

— Грайндхарт, — прочитал князь. — Идеолог уничтожения России. Он считает, что мы — угроза для Европы?

— Он считает, что мы — ресурс. Леса, нефть, газ, пространство. И люди, которые могут работать на него за еду. Для него Россия — не страна. Это колония, которая должна приносить прибыль.

Ростислав сжал лист, но не смял. Он аккуратно сложил его и спрятал за пазуху, рядом со штандартом.

— Они тоже будут в списке, — сказал он. — Все до одного.

— Будут, — согласился Филатов. — Но сначала мы разберёмся с теми, кто предал здесь. Сорок имён, Князь. Ты должен выучить их так, чтобы мог назвать в любом порядке, в любом состоянии, с закрытыми глазами. Потому что когда мы вернёмся, времени на раздумья не будет. Ты должен будешь действовать мгновенно.

Ростислав кивнул. Он открыл папку и начал перебирать фотографии, называя имена вслух. Слякотин. Крысолов. Пустозвонов. Мягкокреслов. Иудин. Каждое имя он произносил как приговор, и голос его становился всё твёрже.

Филатов слушал, не перебивая. Когда Ростислав дошёл до двадцатого имени, кадет поднялся.

— Достаточно. Сегодня ты будешь учить их до вечера. Завтра я проверю.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

— И ещё, Князь. Ты должен понять одну вещь. Эти люди — не чудовища. Они обычные люди, которые сделали выбор. Твой отец верил, что с ними можно договориться, что их можно переубедить. Он ошибся. Потому что человек, который однажды предал, предаст снова. И единственный способ остановить предательство — это смерть.

Дверь за ним закрылась. Ростислав остался один с сорока лицами.

Он смотрел на них долго. Вглядывался в каждую морщину, в каждый взгляд, в каждую улыбку. Он пытался представить, как эти люди подписывали бумаги, которые убивали его отца. Как они пили коньяк в посольствах, пока Зимний горел. Как они спали в своих постелях, зная, что их предательство стоило жизни тысячам.

К вечеру он знал все сорок имён. Он знал их так, как знал свой маузер, как знал ремень Филатова, как знал штандарт на своей груди. Сорок имён. Сорок приговоров. И он не собирался их забывать.

На следующее утро Филатов пришёл не с папкой и не со списком. Он пришёл с ремнём.

Ростислав сидел за столом в кабинете, повторяя про себя имена, когда дверь открылась и кадет вошёл — без стука, без предупреждения. На нём была та же самая чёрная гимнастёрка, что и всегда, но что-то в его лице изменилось. Взгляд стал жёстче, а левая рука, обычно покоившаяся на поясе, сейчас сжимала ремень так, что побелели костяшки.

— Вставай, — сказал Филатов.

Ростислав поднялся. Сердце его забилося быстрее, но он не позволил страху отразиться на лице. Он уже научился этому — в подвале, под свистом ремня.

— Список выучил?

— Выучил.

— Назови десятого.

— Кровопуст Ласло. Венгрия. Полевой командир, отвечал за карательные операции в Малороссии.

— Двадцать третьего.

— Глаттон Йохан. Нидерланды. Банкир, спонсировал интервенцию.

— Тридцать первого.

— Инвидус Филипп. Испания. Адмирал, блокировал порты Балтики.

Филатов кивнул. Ремень в его руке чуть расслабился.

Хорошо. Теперь идём.

Он развернулся и вышел в коридор. Ростислав последовал за ним, чувствуя, как внутри нарастает напряжение. Они спустились по винтовой лестнице в подвал — туда, где когда-то Филатов впервые взял в руки ремень. Здесь всё осталось по-прежнему: голые каменные стены, низкий потолок, столб в центре, у которого Ростислав стоял, когда учился не моргать под ударом.

— Ты выучил имена, — сказал Филатов, входя в круг света от единственной лампы. — Теперь ты должен научиться нести их тяжесть.

Он подошёл к столбу и пристегнул к нему ремень — не как орудие наказания, а как символ. Кожаная петля туго обхватила дерево, и Ростислав вдруг понял: это не будет повторением прошлого урока.

— Список, который ты носишь в сердце, — это не просто имена, — продолжал Филатов. — Это сорок жизней, которые ты должен забрать. Сорок душ, которые лягут на тебя. Ты готов к этому?

— Да, — ответил Ростислав, и голос его был твёрд.

— Ты лжёшь, — Филатов покачал головой. — Ты не готов. Ты не знаешь, что такое убивать человека, глядя ему в глаза. Ты стрелял в туннеле — это была защита. Ты убивал на мосту — это был бой. Но приговорить человека, связать ему руки и выстрелить в затылок — это другое. Это оставляет след, который не смыть.

Он подошёл к Ростиславу вплотную. В свете лампы его лицо казалось маской, вырезанной из старой кости.

— Я хочу, чтобы ты представил, что Слякотин стоит перед тобой. На коленях. Он плачет, просит пощады, говорит, что ошибся, что его обманули, что он всегда уважал твоего отца. Что ты сделаешь?

Ростислав молчал. Перед его глазами вставало лицо старика с золотыми очками — дяди Ильи, который приносил шоколад на именины.

— Я... — начал он и запнулся.

Филатов не ударил. Он стоял и ждал, и в его ожидании было больше силы, чем в любом ударе.

— Я скажу ему, что слишком поздно, — наконец сказал Ростислав. — Что он убил моего отца. Что его слёзы ничего не стоят.

— Хорошо, — кивнул Филатов. — А теперь представь, что перед тобой Крысолов. Он не плачет. Он предлагает тебе деньги, информацию, связи. Он говорит, что может быть полезен. Что ты сделаешь?

— Возьму его информацию. А потом убью.

— Неправильно, — Филатов покачал головой. — Если ты возьмёшь его информацию, ты станешь таким же, как он. Ты продашь правду за выгоду.

Крысолов должен умереть, не дождавшись ответа. Потому что любой разговор с предателем — это уже компромисс.

Ростислав почувствовал, как внутри что-то переворачивается. Он хотел возразить, сказать, что информация может спасти жизни, но слова застряли в горле. Он понял, о чём говорит Филатов.

— Ты прав, — сказал он. — С ними нельзя говорить. Их можно только судить.

— Судить — это слишком мягко, — Филатов отстегнул ремень от столба и намотал на левую руку. — Их нужно казнить. И не ради мести. Ради того, чтобы другие поняли: предательство не прощают. Никогда.

Он протянул Ростиславу ремень.

— Возьми. Это теперь твоё оружие. Не для того, чтобы бить — для того, чтобы помнить. Каждый раз, когда ты будешь сомневаться, смотри на него. Вспоминай этот подвал. Вспоминай, чему я тебя учил.

Ростислав взял ремень. Кожа была тёплой от рук Филатова, пропитанной потом и кровью — той самой кровью, которой кадет зашивал себя, когда учил князя не бояться.

— Я запомню, — сказал он.

— Нет, — Филатов покачал головой. — Не запомнишь. Ты должен чувствовать. Каждый раз, когда ты увидишь предателя, твоя рука должна сама тянуться к ремню. Не разум — тело. Потому что разум может ошибиться, может найти оправдание, может поверить в раскаяние. Тело — никогда.

Он отошёл к стене, прислонился к ней, сложив руки на груди.

— А теперь иди. Завтра мы начнём учить не имена, а лица. Мороз привёз ещё фотографии — тех, кто сдал позиции на Кавказе, тех, кто открыл ворота красным в Кронштадте. Список растёт, Князь. И ты должен расти вместе с ним.

Ростислав вышел из подвала. В коридоре было темно, но он шёл не оступаясь — его вёл ремень в левой руке, его память, его новая, выкованная в этом подвале воля.

Он не пошёл к себе. Вместо этого Ростислав свернул в коридор, ведущий к покоям Беатрикс, но остановился перед дверью, не решаясь войти. Сквозь щель пробивался слабый свет — она не спала.

— Входи, — раздался её голос. Тихо, спокойно, без тени удивления.

Ростислав толкнул дверь. Беатрикс сидела в кресле у камина, укутанная в шаль. На коленях у неё лежала раскрытая книга, но она не читала — смотрела на огонь, и в её глазах отражалось пламя.

— Ты не спишь, — сказал он, закрывая за собой дверь.

Не могу. Он... — она положила руку на живот, — он не даёт. Толкается. Как будто торопится родиться.

Ростислав подошёл к камину, сел на низкий табурет напротив неё. Ремень он положил на колени, и Беатрикс посмотрела на него — не с ужасом, как раньше, а с пониманием.

— Филатов снова учил тебя? — спросила она.

— Учил.

— Чему?

— Как убивать.

Она помолчала, глядя на него. В её взгляде не было осуждения — только тихая, печальная мудрость, которая неожиданно состарила её на десяток лет.

— Мой отец говорил, — сказала она, — что политика — это искусство возможного. Что правитель должен быть мудрым, терпеливым, уметь прощать. Я верила ему. А теперь...

— Теперь?

— Теперь я думаю, что он ошибался. Есть вещи, которые нельзя простить. Есть люди, которые не заслуживают мудрости. Твой Филатов... он жесток, но он прав.

Ростислав удивлённо поднял голову.

— Ты говоришь это? Ты, которая боялась его больше всего?

— Боялась, — кивнула Беатрикс. — А теперь понимаю, что без него мы бы не выжили. Он не просто защитник. Он — та грань, которая отделяет нас от бездны. Если бы не он, ты бы остался мальчиком, который бежит. А Рюрик... — она снова положила руку на живот, — Рюрик должен родиться в мире, где его отец — не мальчик.

Ростислав смотрел на неё и видел в её глазах то, чего не замечал раньше. Она не была холодной принцессой, приехавшей покупать империю. Она была женщиной, которая носила под сердцем его сына и которая, как и он, училась жить в этом новом, жестоком мире.

— Ты не боишься того, кем я становлюсь? — спросил он.

Она покачала головой.

— Я боюсь того, кем ты станешь, если откажешься от этого. Филатов выжигает из тебя жалость не потому, что он жесток. Он делает это, чтобы ты мог защитить нас. Когда Рюрик родится, я хочу, чтобы он видел перед собой не колеблющегося дипломата, а императора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.